

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяц. . . 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяц. . . 6 р. —

на 6 мѣсяц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . . 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СПБ.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32.,
а также въ книж. маг. Воль-
фа, Нев., Гости. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.
Въ Тифлисѣ—въ книжн.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Земство въ Сибири. В. И. Вицина.—Подкладка сибирекой благотворительности.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Кульджи, Иркутска, Павлодара и Тюмени.—Какъ мы отыскивали Ноевъ Ковчегъ. В. Вербицако.—Автобіографія С. С. Шапкова. III.—Хроника жизни за недѣлю.—Несгораемая изба Солицева. В. Л.—Биржевыя извѣстія.—Опечатки.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

Цѣна за годъ 8 рублей.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. остающіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ Редакціи см. вверху.

ЗЕМСТВО ВЪ СИБИРИ.

III.

Противъ введенія земскихъ учреждений въ Сибири могутъ быть приведены нѣкоторыя, чисто практическія возраженія. Могутъ указать, на примѣръ, на недостаточную зрѣлость населенія для принятія подобныхъ учреждений и на неудобства отъ обширности разстояній. Но «незрѣлость» — не что иное, какъ общее мѣсто; оно употребляется для тормазы всякихъ улучшеній, когда не могутъ найти другихъ, болѣе серьезныхъ возраженій. Сибирское населеніе развито, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе того, какъ было развито русское населеніе за 18 лѣтъ назадъ, когда у него вводились земскія учреждения. У сибирскаго населенія, такъ же какъ и у русскаго внутреннихъ губерній, есть общественныя дѣла, которыя оно уже привыкло обсуждать коллективно,—въ городахъ въ думахъ, въ селеніяхъ на мірскихъ сходкахъ, у кочевыхъ инородцевъ на сугланахъ. Эти дѣла, по существу своему,—тѣ же самыя, какія пришлось бы ему обсуждать въ земскихъ учрежденіяхъ: тѣ же дороги, школы, болѣзни, смѣты и раскладки. Ничего новаго, ничего превышающаго пониманіе *средняю* сибирскаго жителя эти учрежденія не представляютъ. Такимъ образомъ первое возраженіе оказывается вполнѣ несостоя-

тельнымъ. При такихъ пространствахъ гораздо серьезнѣе, на первый взглядъ, другое возраженіе. Иной сибирскій уѣздъ, по своему пространству, равняется двумъ-тремъ русскимъ губерніямъ *). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется непосредственный личный надзоръ земскихъ дѣятелей, надзоръ этотъ былъ бы весьма затруднителенъ. Пришлось бы чрезмѣрно увеличить составъ уѣздныхъ земскихъ управъ, а соразмѣрно съ этимъ и расходы на ихъ содержаніе. Это могло бы тяжело отразиться и на личныхъ средствахъ населенія (затрудненія въ выборѣ людей), и на денежныхъ (возвышеніе налоговъ). Но въ дѣйствительности это препятствіе не такъ велико, какъ можетъ казаться. Оно имѣетъ только географическое, а не этнографическое основаніе. Большую часть пространства нашихъ уѣздовъ составляютъ или мѣста совершенно пустынные, гдѣ бродятъ только инородцы-звѣроловы, или съ весьма ничтожнымъ населеніемъ: таковы, на примѣръ, весь сѣверъ Енисейской губерніи и большая часть Иркутскаго, Киренскаго и Нижнеудинскаго округовъ—Иркутской. Слѣдовательно, эти пространства должны быть совсѣмъ исключены изъ разчета ¹⁾. Дѣйствительное населеніе скучивается, однородными группами, на относительно небольшомъ пространствѣ, и сообщенія между поселеніями, а также между ними и уѣздными центрами, не представляютъ большихъ неудобствъ. На этихъ же пространствахъ сосредоточиваются и нужды, требующія надзора и попеченія земства. Правда, и въ этихъ населенныхъ полосахъ наши сибирскіе уѣзды (округи) представляются еще слишкомъ обширными въ сравненіи съ великорусскими. За то и потребности земства здѣсь ограничѣннѣе и малосложнѣе, чѣмъ въ Россіи. Населеніе сибирскихъ округовъ обыкновенно не превышаетъ 50—100 т. душъ. (Исключеніе—

*) Пять уѣздовъ Иркутской губерніи занимаютъ пространство въ 703 т. кв. верстъ, а десять уѣздовъ Ярославской губерніи—только 31 т. кв. верстъ.

¹⁾ То же самое можно сказать о Тобольской и Томской губерніяхъ, гдѣ округа Березовскій, Сургутскій и Нарымскій въ сѣв. части слабо заселены русскими и гдѣ много пустынь, которыя не должны быть принимаемы въ разчетъ. За то другіе округа, какъ Курганскій, Ишимскій, Тюменскій и т. п. ничѣмъ не отличаются отъ густо населенныхъ мѣстъ Евр. Россіи.

только немногіе густо населенные округа Тобольской и Томской губерній). Понятно, что потребности такого населенія во всякомъ случаѣ меньше потребностей населенія въ 150—200 т. д., а потому и удовлетвореніе ихъ менѣе затруднительно. Нужно взять въ расчетъ также географическое положеніе уѣздовъ. Въ то время, какъ отъ иного уѣзднаго города внутреннихъ губерній тянутся дороги по десяти направленіямъ,—въ сибирскихъ городахъ онѣ идутъ только въ двѣ, много три стороны. Во всякомъ случаѣ, затрудненія, происходящія отъ относительной обширности пространствъ, удобнѣе всего могутъ быть устранены или облегчены тѣми же земскими учрежденіями, которыя, безъ сомнѣнія, лучше знаютъ свои мѣстности, чѣмъ канцелярскіе дѣятели. И притомъ, вѣдь управляютъ же округами исправники? а ихъ дѣятельность во многомъ совпадаетъ съ функціями земскихъ учрежденій (надзоръ за дорогами, хлѣбные магазины, народное здоровье). Почему же коронные чиновники, нерѣдко явившіеся богъ-вѣсть откуда, могутъ выполнять это успѣшнѣе, чѣмъ коренные жители, вдоль и поперекъ знающіе свою мѣстность?

Можно указать еще на одно препятствіе,—непримѣнимость къ Сибири земскихъ учрежденій въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Въ Сибири, напримѣръ, нѣтъ предводителей дворянства, на которыхъ возложено предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ. Въ ней будутъ невозможны или бесполезны сѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ (тамъ, гдѣ они есть), для выбора уполномоченныхъ на избирательные сѣзды; избирательный цензъ для нѣкоторыхъ мѣстностей можетъ оказаться слишкомъ высокимъ. Особенности быта инородцевъ могутъ потребовать измѣненія для нихъ общихъ правилъ о порядкѣ выбора гласныхъ. Найдутся, вѣроятно, и еще нѣкоторыя подробности настоящаго Положенія, непримѣнимыя къ Сибири. Но все это чисто формальныя препятствія. Предсѣдательство предводителей дворянства не только не истекаетъ изъ существа земскихъ учрежденій, но прямо противорѣчитъ ему, вводя сословный элементъ въ учрежденія, имѣющія чисто общій мѣстный характеръ. Собранія могутъ открываться подъ предсѣдательствомъ коронныхъ чиновниковъ и затѣмъ сами избирать себѣ предсѣдателей на трехлѣтіе. Сѣзды ничтожнаго числа мелкихъ землевладѣльцевъ для выбора уполномоченныхъ могутъ быть замѣнены непосредственнымъ участіемъ ихъ въ избирательныхъ сѣздахъ. Наконецъ, земскій цензъ и во внутреннихъ губерніяхъ признается высокимъ, и есть слухи о предстоящемъ его пониженіи. Всѣ эти частныя затрудненія могутъ быть устранены измѣненіемъ подлежащихъ статей Положенія, сообразно условіямъ сибирской жизни, насколько не касаясь сущности земскихъ учрежденій.

Какія же препятствія, кромѣ этихъ, еще могутъ быть для введенія земскихъ учрежденій въ Сибири? Есть одно и самое важное, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали. Это антагонизмъ мѣстной администраціи ко всякой общественной самодѣятельности, стремленіе ея держать въ своихъ рукахъ всѣ нити народной жизни и заставлять ее прыгать по ея усмотрѣнію, какъ бумажнаго гаера. Какъ ни принижены въ послѣднее время земскія учрежденія въ Россіи, но, тѣмъ не менѣе, они представляютъ общественную власть, которая стоитъ на ряду съ чиновничьей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже и выше ея. Введеніе земскихъ учрежденій въ Сибири не только ослабитъ власть мѣстной администраціи вообще, но отниметъ у нея возможность распоряжаться хо-

зяйственными дѣлами и капиталами губерній,—а это такое лишеніе, которое было бы невыносимо для разныхъ казенныхъ строителей и заготовителей. Потому-то и въ разныхъ заявленіяхъ о реформахъ, которыми будто бы скоро будетъ облагодѣтельствована Сибирь, земская реформа обходится глубокимъ молчаніемъ: она слишкомъ непонутру мѣстнымъ заправиламъ. Вотъ самое серьезное препятствіе, съ которымъ приходится бороться въ вопросѣ о введеніи въ Сибири земской реформы. Недаромъ бывший енисейскій губернаторъ говорилъ въ енисейской городской управѣ, что земскія учрежденія здѣсь невозможны по неимѣнію дворянства (хотя въ Положеніи о дворянствѣ не говорится ни слова). Недаромъ и на ходатайства городскихъ думъ о введеніи этихъ учрежденій до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта. Съ какой бы стороны ни возникли вопросы и настоянія о введеніи ихъ въ Сибири, у мѣстныхъ властей всегда будутъ наготовѣ рутинные отвѣты о незрѣлости населенія, объ отсутствіи дворянства, и другія отговорки, на которыя такіе мастера всякія канцеляріи, когда онѣ захотятъ погубить или затормозить дѣло. Двинуть его впередъ можетъ только непосредственное распоряженіе высшаго правительства, какъ это было и въ городскомъ дѣлѣ,—хотя и тутъ не обойдется безъ препятствій *). Состоявшееся недавно непосредственное подчиненіе западно-сибирскихъ губерній министерству внутреннихъ дѣлъ можетъ значительно подвинуть дѣло введенія здѣсь земскихъ учрежденій.

Введеніе въ Сибири земскихъ учрежденій необходимо. Къ введенію ихъ не можетъ быть серьезныхъ препятствій, кромѣ одного только—антагонизма мѣстныхъ властей. Поэтому, для введенія ихъ нужны—съ одной стороны, настойчивыя ходатайства мѣстнаго населенія; съ другой—прямое распоряженіе высшаго правительства. Вотъ выводы, которые, думаемъ, сами собой слѣдуютъ изъ нашей статьи.

В. Вагинъ.

ПОДКЛАДКА СИБИРСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Благодаря тому, что Сибирь живетъ при старыхъ, дореформенныхъ порядкахъ, мѣстное общество не можетъ проявить себя всецѣло въ лицѣ своихъ лучшихъ общественныхъ элементовъ. При отсутствіи земства, при безучастіи интеллигенціи въ общественной жизни, самыя функціи этого общества являются часто извращенными, и то, что должно выходить изъ сознанія общества органически, является искусственно навязаннымъ, искаженнымъ подъ вліяніемъ дурныхъ страстей и личныхъ происковъ.

*) Въ этомъ отношеніи намъ особенно памятенъ одинъ случай сороковыхъ годовъ. Въ Енисейскомъ округѣ существовалъ Каменскій винокуренный заводъ. Выкурка на немъ вина никогда не была выгодна для казны, а въ сороковыхъ годахъ когда, съ развитіемъ золотопромышленности, цѣны на хлѣбъ сильно поднялись,—сдѣлалась положительно убыточной. Министерство финансовъ рѣшило закрыть заводъ, и обратилось къ мѣстнымъ властямъ съ вопросомъ о болѣе удобныхъ способахъ исполненія этого. Но такъ какъ заводъ, невыгодный для казны, былъ очень выгоденъ для мѣстныхъ распорядителей, то они и послали мнѣніе о необходимости оставить заводъ. Только послѣ рѣзкаго отвѣта министерства, что мѣстное начальство спрашивалось не о томъ, нужно ли уничтожить заводъ, а о томъ только, какъ удобнѣе его уничтожить,—былъ данъ прямой отвѣтъ на вопросъ; да и то чуть ли не были выставлены разныя затрудненія.

Доказательствомъ служить помѣщаемое письмо изъ сибирскихъ палестинъ, рисуемое во что выродилось и обратилось дѣло благотворительности въ Сибири.

«Къ вамъ, вѣроятно, дойдутъ слухи о разныхъ у насъ пожертвованіяхъ и разныхъ возвеличенныхъ благодѣтеляхъ. Не слишкомъ довѣряйте этому, а менѣе всего искренности. Все это, во-первыхъ, дѣлается не добровольно, а во-вторыхъ, подкладкою этого является честолюбіе и личные расчеты, что въ дѣлѣ благотворенія крайне неестественно. Это даже не замаливаніе грѣховъ въ старомъ смыслѣ, когда купчина-кулакъ и подрядчикъ, обобравъ крещеный народъ, ставилъ чудовую свѣчу. Можетъ быть, у этого стараго кулака шевелилась совѣсть, являлся страхъ будущаго расчета за гробомъ; у новаго типа благотворителя ничего подобнаго нѣтъ. Его благотвореніе и жертва—прямой расчетъ на новую прибыль, цѣль его—новый грѣхъ, а благотвореніе—средство.

«Въ виду того, что эта страшная язва укореняется все болѣе и болѣе и можетъ разростись до громадныхъ размѣровъ, мы считаемъ необходимымъ обратить на нее особенное вниманіе. Необходимость эта вызывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что люди честные и развитые и даже лучшіе органы печати какъ-бы не замѣчаютъ всего зла, скрывающагося подъ маской дѣлъ благотворительности и филантропическихъ затѣй, и своимъ снисходительнымъ отношеніемъ способствуютъ развитію этой язвы. Нужно ли построить церковь, школу, нужно ли поддержать какое-либо предпріятіе, помочь учрежденію, лицу, всѣ невольно начинаютъ взирать на мѣстныхъ богачей, въ надеждѣ на ихъ щедроты. Такая надежда, разумѣется, естественна, а разъ она оправдалась, естественно рождается и чувство благодарности къ богачу, удѣляющему часть своего состоянія на честное, хорошее и полезное дѣло, осуществленіе котораго для всякаго честнаго человѣка желательно. Вотъ тутъ-то и заключается роковая ошибка. Всякій, видя непосредственный результатъ пожертвованія, оставляетъ въ сторонѣ заднія мысли и цѣли жертвователя, игнорируетъ тѣ результаты пожертвованія, о которыхъ втайнѣ мечтаетъ благодѣтель и въ лучшемъ случаѣ, болѣе проникательный оправдываетъ свою снисходительность выраженіемъ «съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ». По нашему мнѣнію, всѣ такіа пожертвованія безправственны и не только насильственный сборъ ихъ, административнымъ порядкомъ, но весьма часто и самый пріемъ безусловно вреденъ. Высказанную мысль мы постараемся доказать различными соображеніями и примѣрами.

«Творческая дѣятельность губернскихъ начальствъ бываетъ весьма часто фантастична и капризна, часто создается дѣло съ спеціальною цѣлью составить пріятное и полезное развлеченіе для супруги губернскаго помшадера, власть имущаго лица. Уже одно это, съ виду невинное, создаваніе какой-то дѣятельности для пустой, мелкой и тщеславной барыни, въ сущности, и безнравственно, и вредно, потому, что подъ видомъ цѣлей благотворительныхъ скрывается самое отчаянное бездѣльничество и, наконецъ, потому, что на это бездѣлье усиленно привлекаются массы людей, которымъ начальство внушаетъ, совѣтуетъ примкнуть «къ дѣлу», помочь невзвѣстно чему, и тѣмъ отвлекаетъ людей отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей. Пойдемъ далѣе. Когда на осуществленіе какой бы то ни было затѣи требуются значительныя суммы, тогда начинается дѣйствовать уже не супруга превосходительной особы, а самъ

начальникъ. Для этой цѣли составляется всегда планъ, зрѣло и систематически обдуманый, тонко рассчитанный на разныя людскія слабости. Осѣчки при этомъ никогда не бываетъ. Извѣстно, что особа, облеченная, на примѣръ, властью генералъ-губернатора или губернатора въ такомъ краѣ, какъ Сибирь, является всемогущей, а потому знакомство съ нею почитается за великую честь, которой всѣми силами добиваются всевозможныхъ сортовъ обыватели, располагающіе капиталомъ. Когда знакомство достигнуто, добиваются расположенія особы и, наконецъ, ждуть отъ нея великихъ и богатыхъ милостей въ видѣ какой-либо медали, ордена, мундира съ расшитымъ золотомъ воротникомъ, публичной благодарности и т. д., составляющихъ предметъ самыхъ затаенныхъ мечтаній этихъ людей, въ Сибири, готовыхъ жертвовать за полученіе такого вещественнаго расположенія чѣмъ угодно. Особа, зная эти слабости, начинаетъ заигрывать, ѣдетъ съ визитомъ, подсылаетъ свою супругу съ визитомъ же, печатаетъ пригласительные билеты на чай, закуску, обѣдъ и, мало-по-малу, соблазняетъ сибирскаго туза, у котораго ничего нѣтъ за душой кромѣ капитала, нажитаго самымъ возмутительнымъ образомъ. Особа ведетъ игру далѣе, начинаетъ между соблазненными дѣлать различіе, одного подиуститъ къ себѣ поближе, другого держитъ подальше, но такъ, чтобы они это видѣли, а увидѣвъ, они другъ передъ другомъ изъ кожи лѣзутъ, другъ друга желаютъ перещеголять. Въ это время съ ними можно дѣлать что угодно, хоть веревки вить, хоть въ узелъ вязать. Тогда начинается откровенная бесѣда, особа вынытываетъ, но опять очень тонко, кому чего хочется. Одинъ говоритъ, что ему нуженъ орденъ, другому мундиръ, третьему, ну, и т. д. Особа говоритъ тогда, что все это можно, но нуженъ же какой-нибудь предлогъ, «чтобъ представить васъ къ награждѣ». Пожертвуйте столько-то тысячъ на пріютъ, пожертвуйте въ тюремный комитетъ и т. д., и соблазненные рады стараться, одинъ, другой, пятый, десятый отсыпаютъ тысячи. Вотъ одна сторона медали и вотъ результаты благодѣянія «гражданина и патріота своего отечества», видные для всякаго. Повернемъ медаль другой стороною. Изъ-за чего хлопочетъ особа, чего ради она жметъ часто запятнанную грязью руку и чего добивается эта рука? Особа этими сборами пожертвованій всегда упрочиваетъ мнимую репутацію какъ «человѣка энергичнаго, заботящагося о благѣ общества». Безъ всякаго труда, безъ таланта убиваются два бобра: съ одной стороны общество славословитъ своего начальника, какъ мецената, насадителя культуры и образованности въ странѣ, какъ просвѣтителя, а съ другой — и начальство видитъ «плодотворную и полезную дѣятельность» особы, по насажденію въ краѣ различныхъ благъ и взыскиваетъ ее своимъ вниманіемъ, т.-е. расширяетъ предѣлы власти особы и увеличиваетъ ее окладъ, окладъ—вотъ самое главное. Но и жертвователь за свои благотворенія и благодѣянія не остается въ накладѣ. Не говоря о томъ, что само по себѣ знакомство съ особой, сама по себѣ благодарность высшей власти, особенно, если она сопровождается какой-нибудь грамотой, вещественнымъ выраженіемъ этой благодарности въ видѣ мундира съ золотымъ воротникомъ или медали, въ видѣ вывѣшиванія портрета благодѣтеля въ благотворимомъ имъ учрежденіи, имѣютъ страшное значеніе въ Сибири, странѣ поклоненія этимъ предметамъ, доходящаго до раболѣпства, до

того, что человекъ весь вѣкъ живетъ въ мечтахъ о такой милости, не говоря о томъ, что благодѣтель, получившій благодарность, сразу вырастаетъ до небесъ, всѣмъ тычетъ своей наградой, становится недоступнымъ, зазнается и всюду, въ обществѣ, на гуляньѣ, на вечерахъ, въ школахъ, въ церкви, вездѣ задаетъ тонъ, требуетъ себѣ особаго почтенія отъ всякаго встрѣчнаго; не говоря объ этомъ, благодѣтель имѣетъ всякую возможность наверстать свои жертвы сторицею. Можно сказать, что всякое такое пожертвованіе есть деньги, отдаваемые за громадныя ростовщическіе проценты, къ платежу которыхъ привлекается все окрестное населеніе. Воспользовавшись довѣріемъ власти, которая настолько не бываетъ проницательной, и заручившись ея расположеніемъ и благодарностью, благодѣтель открываетъ усиленную атаку противъ населенія, которое онъ опуталъ своими тенетами. Начинается рядъ разныхъ мошенническихъ дѣлъ, закупаются сотни людей, обдѣлываются ловкимъ образомъ казенныя подряды, творятся безнаказанно уголовныя преступленія. Такимъ-то путемъ кулакъ вырастаетъ въ грознаго хищника, въ страшную язву населенія, всегда пользующагося снисхожденіемъ администраціи. Вотъ какою представляется обратная сторона медали, вотъ что получается въ результатѣ отъ пожертвованій.

«Посмотрите затѣмъ къ кому обыкновенно обращаются мѣстные администраторы, кто избирается въ число благотворителей, кому ввѣряется эта почетная функція, это лучшее дѣло человеколюбія, словомъ, насколько здѣсь присутствуетъ нравственная подкладка?»

Въ томъ же письмѣ говорится: «Одинъ изъ жертвователей, который получаетъ почетное званіе, ни больше, ни меньше, какъ грубый, заскурузлый кулакъ и кабатчикъ, за мошенничества неоднократно привлекавшійся къ отвѣтственности и въ настоящее время оставленъ судомъ въ подозрѣніи за кражу дѣлъ о немъ посредствомъ подкупа (въ настоящее время уголовныя дѣла объ этомъ благодѣтели хранятся въ Т. у казначея подъ замкомъ, именно вслѣдствіе способности ихъ исчезать изъ суда). Онъ настолько себя опозорилъ даже передъ невзыскательнымъ сибирскимъ обществомъ, что его выгнали изъ гласныхъ думы и директоровъ сиротскаго суда *). Другой благодѣтель принадлежитъ къ той же категоріи, также оставленъ судомъ въ подозрѣніи за кражу уголовныхъ дѣлъ о немъ. Третій благодѣтель—подрядчикъ, личность очень темная, которая, по рассказамъ, подозрѣвается въ распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, скупѣ краденаго золота, содержаніи публичнаго дома въ одномъ городѣ и т. д. Четвертый—простой мужикъ, кажется и неграмотный, кулакъ, занимающійся чуть не разбоемъ на трактовой дорогѣ, пятый тоже. Шестой—заводчикъ, очень извѣстный въ городѣ по убійству одного чиновника и по разнымъ другимъ дѣламъ такого же характера. Седьмой недавно публично битый субъектъ и т. д. Изъ этого перечня ясно видно, на что и съ какими цѣлями могутъ и будутъ жертвовать эти люди. Нравственно ли подобныхъ людей возвышать въ обществѣ, создавать имъ почетъ, награды, когда ихъ въ другомъ мѣстѣ ожидалъ бы уголовный судъ!»

Авторъ письма задаетъ вопросъ послѣ этого: «Въ какое

положеніе ставить себя мѣстная администрація, выдвигая и поощряя такихъ дѣтелей?»

«Этимъ же объясняется масса злоупотребленій въ Сибири. Зарекомендовавъ себя благодѣтелемъ, давъ такъ сказать откупъ, благодѣтель, почетный членъ благотворительныхъ учрежденій въ остальной своей дѣятельности позволяетъ себѣ все. Эти тузы у насъ въ Сибири кабалятъ инородца, провозятъ къ нему водку, обираютъ золотопромышленныхъ рабочихъ, создаютъ монополіи и кабаки. Противъ многихъ изъ нихъ возбуждены дѣла въ судахъ. Понятно, что вмѣсто взятки они готовы на пожертвованія. Такими благотворителями кишатъ торговые города Сибири. *) Но кромѣ привлеченія къ пожертвованіямъ монополистовъ и кулаковъ, въ Сибири практикуется и еще болѣе грубый способъ пожертвованій— по приказанію.

«Обыкновенно администратору (генераль-губернатору, губернатору и исправнику) приходитъ въ голову какая-нибудь затѣя, для осуществленія которой всегда требуются деньги. Немедленно посылаются предписанія по нисходящимъ инстанціямъ, отъ генераль-губернатора до засѣдателя и волостнаго писаря, собрать денегъ на такое-то дѣло. И вотъ, начинается безцеремонное выколачиваніе денегъ съ кого попало и на что попало. Такой способъ въ повсемѣстномъ употребленіи въ Сибири и не считается противозаконнымъ. Исправники выполняютъ предписанія безпрекословно и энергично. Вздумалъ, напримѣръ, одинъ главный администраторъ въ Западной Сибири создать затѣю—какой-то пансіонъ, съ залами для танцевъ, и послалъ губернаторамъ предложеніе помочь. Въ двѣ недѣли одинъ изъ исполнителей сдѣлалъ обязательный сборъ въ губерніи: прискакалъ и привезъ 15,000 р., собранныхъ съ населенія посредствомъ исправниковъ. Что же это за добровольное благотвореніе? Мало того, такіе сборы дѣлаются не на одни пріюты и училища, а и на театры. Какъ-то омскому чиновничеству нуженъ былъ театръ, а денегъ не было, и вотъ, предложили помочь уѣзднымъ начальникамъ, а тѣ собрали поборъ съ киргизовъ, которымъ до театра не было никакого дѣла. Но если кулаки-монополисты и торговцы могутъ иногда отклониться или поупорствовать, то среди крестьянскаго населенія исправникъ, предлагающій подписку, дѣйствуетъ навѣрняка. Благотворительность здѣсь переходитъ въ «темный поборъ» земской полиціи. Примѣровъ, какъ сибирскій крестьянинъ дѣлается жертвователемъ въ пользу богатыхъ городовъ и состоятельныхъ классовъ, также бездна. Вздумали въ Читѣ выстроить гимназію, не хватаетъ денегъ—начали усиленно собирать ихъ съ забайкальскихъ крестьянъ. Вздумали строить учебное заведеніе въ одной губерніи, начали собирать на него деньги въ другой губерніи, и можете вообразить съ кого, съ несчастныхъ инородцевъ, которые даже и не знали на какую надобность собираютъ съ нихъ деньги. Вздумали строить телеграфъ, опять тѣхъ же крестьянъ обязали поставкой столбовъ. «Во время открытія Амура Верхотенскій округъ доставлялъ хлѣбъ для Амура въ Читѣ раскладкой, по цѣнѣ назначенной исправникомъ, цѣна же была назначена низкая, такъ что хлѣбъ отдавали даромъ, а за провозъ до Читы еще приплачивали изъ своихъ денегъ**). Та-

*) Особа эта очень усиленно хлопочетъ о проведеніи его директоромъ тюремнаго комитета.

*) Обращаемъ вниманіе также на корреспонденцію изъ Павлодара въ вышеизвѣстномъ № «Восточн. Обозрѣн.». .

***) Сибирская Газета № 35, 1882 г. стр. 836.

кимъ образомъ часто подъ видомъ благотворительности можно населеніе обездолить. Замѣчательно, что многія изъ разныхъ филантропическихъ предпріятій и сооружений рѣшительно не вызываются нуждами городовъ и потребностями въ краѣ, а составляютъ иногда личную фантазію. Одинъ администраторъ создаетъ сегодня одно, а другой завтра другое. Поэтому эти благотворительныя общества и учрежденія иногда безслѣдно уничтожаются, поглотивъ массу денегъ. Около такихъ обществъ всегда есть директора, попечители и секретари, которые заставляютъ смѣты и въ концѣ запутываютъ дѣла. Мы предоставляемъ судить, къ чему приводитъ такая благотворительность.

«Наше искреннее желаніе, заканчиваетъ авторъ письмо, чтобы святое дѣло благотворенія въ Сибири поскорѣ перешло въ руки самого общества, чтобы оно перестало служить хищническимъ цѣлямъ, средствомъ замѣняющимъ взятку, чтобы оно не ложилось бременемъ для населенія; самое разрѣшеніе этихъ учрежденій строго контролировалось, наконецъ, чтобы не слишкомъ довѣряли въ столицахъ мѣстнымъ представленіямъ. Кромѣ того, безусловно необходимо запретить подписку чрезъ волостное начальство и исправниковъ, что составляетъ скорѣ обязательный поборъ и подрываетъ податныя платежныя способности населенія».

ХРОНИКА.

15-го октября въ обществѣ содѣйствія русскому мореходству г. Сиденсверъ прочелъ слѣдующій докладъ:

М. Г., въ прошлогоднихъ моихъ докладахъ я изложилъ вамъ нѣкоторыя подробности относительно устройства обь-енисейскаго водянаго сообщенія. Въ настоящее время спѣшу довести до вашего свѣдѣнія, что 27-го іюля проектъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Не повторяя вновь всей интересной исторіи этого дѣла, изложенной подробно въ отчетѣ по моей экспедиціи 1875 г. и напечатанной въ извлеченіи въ Изв. И. Р. Г. О. за 1878 г., считаю необходимымъ напомнить только, что вопросъ о соединеніи Оби съ Енисеемъ впервые былъ поднятъ официальнымъ путемъ въ 1797 году, а въ 1798 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе на соединеніе этихъ рѣкъ водянымъ путемъ.

Несмотря на важное значеніе для Сибири ея великихъ водяныхъ путей, дѣло это, поднимавшееся нѣсколько разъ какъ правительствомъ, такъ въ особенности частными лицами, не имѣло успѣха до 1875 года, когда въ управленіе министерствомъ путей сообщенія поступилъ генералъ-адъютантъ Посельтъ.

Экспедиціями министерства путей сообщенія 1875—78 годовъ еще разъ была признана полная и легкая возможность устройства непрерывнаго водянаго пути изъ Оби въ Енисей, а въ сентябрѣ 1881 года разработанный министерствомъ путей сообщенія проектъ этого сообщенія былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

По этому проекту предполагалось произвести работы въ такихъ размѣрахъ, чтобы суда съ осадкою въ 7 четвертей, длиною 22 саж. и шириною 3½ саж., могли свободно проходить въ обѣ стороны. При такихъ условіяхъ на производство всѣхъ необходимыхъ работъ была исчислена смѣта въ 8.000.000 руб. и срокъ работъ предполагался семилѣтній. Но принимая во вниманіе необходимость ускорить окончательное рѣшеніе этого вопроса, министерство путей сообщенія признало возможнымъ ограничиться на первое время сооруженіемъ соединительнаго кавала и нѣкоторой расчисткой рѣчекъ отъ корней и мелей, для движенія по этому пути на первое время лишь судовъ маломѣрныхъ. По разсмотрѣніи этого дѣла въ государственномъ совѣтѣ 15 мая и 4 іюня и по Высочайшемъ утвержденіи его 27 іюля, министерству путей сообщенія разрѣшено съ будущаго 1883 года приступить къ производству работъ, необходимыхъ для устройства этого пути въ такихъ уменьшенныхъ размѣрахъ. На расходы

по этимъ работамъ предположено внести въ смѣты 1883 и 1884 годовъ по 300.000 руб., а всего 600.000 руб.

Такимъ образомъ, благодаря особенному сочувствію высшаго министерства путей сообщенія устройству водяныхъ путей Сибири, мы находимся наконецъ наканунѣ окончательнаго разрѣшенія вопроса о соединеніи Оби съ Енисеемъ, поднятаго еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Но, мм. гг., какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ приведеніемъ рѣки Ангары въ судходное состояніе и съ устройствомъ удобнаго пути далѣе отъ Байкала къ Амуру.

Только съ устройствомъ удобнаго пароваго пути отъ Урала до береговъ Тихаго океана можно ожидать правильнаго экономическаго развитія Сибири и только тогда, когда наши южно-уссурійскія окраины будутъ связаны надежнымъ путемъ съ Европейскою Россіей, можно будетъ разсчитывать на развитіе въ водахъ Тихаго океана русскаго торговаго мореплаванія.

Съ окончаніемъ постройки уральской желѣзной дороги, соединеніе Оби съ Енисеемъ составитъ связующее звено этого длиннаго пути; поэтому-то извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи этихъ первыхъ въ Сибири гидротехническихъ работъ будетъ, я надѣюсь, принято нашимъ обществомъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ „Новое Время“ корреспонденція изъ Владивостока сообщаетъ, что тамъ разрѣшена газета „Владивостокъ“. Редакторъ ея Соллогубъ служитъ чиновникомъ въ штабѣ губернатора и въ настоящее время уѣхалъ въ Одессу, для покупки типографіи. Нельзя не пожелать полнаго успѣха газетѣ, прибавляетъ корреспондентъ: крайній Востокъ, въ особенности Сахалинъ, нуждается въ гласности не менѣе, чѣмъ въ хлѣбѣ насущномъ. Намъ извѣстно, что мѣстный губернаторъ, адмиралъ Фельдгаузенъ, рѣшительно выдѣляется по своему сочувствію къ изданію будущей газеты. 1-й № издатель надѣется выдать 14-го ноября этого года. Въ Хабаровкѣ, какъ кажется, также будетъ издаваться газета; изданіе ея исходитъ изъ необходимости печатанія приказовъ и циркуляровъ. Газета, вѣроятно, будетъ подобіемъ губернскихъ вѣдомостей. Редакторомъ ея называютъ г. Волохова“. (№ 2374).

Сочувствуя въ свою очередь водворенію станка Гуттенберга на берегахъ прекраснаго Амура, особенно же если эти мѣстные органы печати будутъ служить дѣлу гласности, мы боимся въ то же время, зная мѣстныя условія, что надежды эти не вполне могутъ оправдаться. Изданіе официальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ по извѣстной программѣ хорошо извѣстно, „гласность“ въ нихъ корреспондентъ разумѣетъ оригинально въ печатаніи мѣстныхъ циркуляровъ. Такая „гласность“, конечно, возможна. Что касается газеты г. Соллогуба, то, принимая во вниманіе служебное положеніе въ штабѣ губернатора, мы и эту газету не можемъ принять за независимую. Мы не прочь вмѣстѣ съ господами корреспондентами согласиться, что Амурскій край нуждается въ гласности. Опытъ такой гласности былъ, и это мы помнимъ въ 60-хъ годахъ. Извѣстно также, какую услугу оказала эта гласность въ лицѣ памятнаго въ то время Дмитрія Иринарховича Завалишина. Вотъ такой гласности мы отъ души желали бы для современныхъ амурскихъ дѣланій и прожектовъ.

Въ нашей газетѣ было помѣщено извѣстіе, что въ Томской губерніи недавно открыто цѣлое лѣсничество, исправно получавшее ежегодно жалованье, но существовавшее только на бумагѣ; теперь оказывается, что это случай въ Томской губерніи не единственный. По извѣстію, напечатанному въ „Томскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ“, въ томской городской управѣ обнаружены злоупотребленія бухгалтера; при повѣркѣ оказалось, что дума платила жалованье несуществующимъ городскимъ и переплатила такимъ образомъ 400 рублей. Къ этому извѣстію редакция „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ прибавляетъ: „Мы слышали, что на обсужденіе думы въ ближайшее собраніе нѣкоторыми гласными будетъ внесенъ вопросъ о возможности оставить бухгалтеромъ думы и на будущее время лицо, уличенное въ злоупотребленіяхъ, имѣющихъ свое названіе въ уложеніи о наказаніяхъ“. Такое рѣшеніе этихъ гласныхъ, вѣроятно, вызвано, тѣмъ обстоятельствомъ, что городская управа, повидимому, хочетъ ограничиться пополненіемъ бухгалтеромъ излишне израсходованныхъ

денегъ. По поводу слуха, сообщаемого редакціей „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, можно сказать только одно: хорошо бы, если бы подобные взгляды на чистоплотность общественной нравственности распространились и въ другихъ мѣстахъ Сибири, въ которой, какъ это вѣдѣмъ извѣстно, „лица, уличенныя въ злоупотребленіяхъ, имѣющихъ свое названіе въ уложеніи о наказаніяхъ“ не только терпимы въ высшихъ слояхъ общества, но нерѣдко пользуются покровительствомъ администраціи и мѣстныхъ капиталистовъ. Не говоря уже о мѣстахъ волостныхъ писарей, весьма часто раздаваемыхъ мѣстною администраціей сѣмьно-поселенцамъ, подобныхъ лицъ мы видали нерѣдко и на другихъ болѣе выдающихся мѣстахъ: человекъ, обворовавшій одну петербургскую редакцію, занималъ мѣсто конторщика у перваго капиталиста въ сибирскомъ городѣ; поддѣлыватель векселей былъ арендаторомъ городского театра; аферистъ, сосланный за темныя дѣла, главнымъ подрядчикомъ казны; составитель фальшивыхъ бумагъ присяжнымъ писателемъ, защищающимъ мѣстную администрацію въ петербургской журналистикѣ. Высшая администрація края своей неразборчивостью въ выборѣ людей, отдавая завѣдываніе такихъ общественно-воспитательныхъ органовъ, какъ театръ или редакція мѣстной газеты,—въ руки людей сомнительной репутаціи, подавала дурной примѣръ сибирскому обществу. Желаніе томскихъ гласныхъ протестовать противъ подобнаго индифферентизма къ нравственности служебнаго персонала имѣетъ видъ хорошаго почина со стороны самого общества. Съ этой точки зрѣнія съ опубликованной замѣткой въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ трудно не согласиться.

Наравнѣ съ иностранными европейскими извѣстіями изъ Вѣны, Пешта, Константинополя, въ столичныхъ газетахъ мы прочли телеграмму изъ Томска объ открытіи владимірскаго пріюта для арестантскихъ дѣтей. „Денежныя средства на содержаніе пріюта собраны при горячемъ участіи томскаго губернатора Мерцалова“, сказано въ телеграммѣ. „На обѣдѣ собрано 1.250 руб. на учрежденіе въ пріютѣ стипендіи имени г. Мерцалова“.

Въ только что полученномъ номерѣ неофициальной части „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ сообщается слѣдующая исторія пріюта. Пріютъ основанъ не нынѣ, а въ 1855 году онъ образованъ изъ дѣтскаго отдѣленія при тюрьмѣ. Въ 1868 году выстроено было особое зданіе на счетъ экономическихъ суммъ, въ пріютѣ стали приниматься не только дѣти мѣстныхъ арестантовъ, но и дѣти сироты умершихъ на дорогѣ ссыльныхъ; а такъ какъ число ихъ было не особенно велико, то рѣшено было принимать и дѣтей бѣдныхъ жителей. На 80 дѣтей въ 1882 г. было арестантскихъ дѣтей только 39. Такое учрежденіе пріюта можетъ показаться страннымъ. Дѣти пересыльныхъ арестантовъ сюда попадали совершенно случайно, а пріютъ содержался на счетъ экономическихъ арестантскихъ суммъ, гдѣ принимались и дѣти свободныхъ сословій. Далѣе, было выстроено новое помѣщеніе, а помѣщать было некого, надо было искать кого помѣстить изъ сиротъ города.

О хозяйствѣ пріюта „Томскія Вѣдомости“ сообщаютъ: До 1881 г. комитетъ отпускалъ на содержаніе пріюта до 4.000 р. ежегодно, и кромѣ того изъ суммъ дамскаго отдѣленія до 2.000 р. Но вотъ что прискорбно. „Этотъ превышающій средства комитета расходъ повелъ къ разстройству его денежнаго положенія, такъ какъ кромѣ содержанія пріюта, требовался еще ремонтъ зданій (какихъ? неужели выстроеннаго пріюта), на что въ теченіи 12 лѣтъ израсходовано 17.500 р.“. Жаль, что здѣсь не разъяснена эта темная исторія, а она могла бы быть очень поучительна. Въ заключеніе тюремный комитетъ отказывается отъ всѣхъ расходовъ и передаетъ пріютъ въ вѣдѣніе дамскаго отдѣленія. Дамское отдѣленіе обладало очень богатымъ запасомъ филантропическихъ чувствъ, но весьма скуднымъ карманомъ. Это отдѣленіе имѣло всего 850 р. въ годъ, а расходы по пріюту возросли до 6.000 р. въ годъ. Спрашивается, какой же расчетъ былъ создавать такое учрежденіе, когда не было средствъ для его поддержанія? Фирма торговаго дома „Петрова и Михайлова“ выстроила домъ, онъ имѣетъ 7 комнатъ, больницу, мастерскую, столовую, помѣщеніе даже для смотрительницы, баню, погребъ, пра-чешни, завозни и т. п. Все это прекрасно, но почему-же не было предусмотрено, что всѣ эти заведенія потребуютъ огромныхъ расходовъ. Никакое земское, никакое городское хозяйство этого не допустило бы. По календарю Западной Сибири видно, что въ Томскѣ

существуютъ кромѣ того 2 пріюта, если не 3, для бѣдныхъ дѣтей города, и въ нихъ 227 дѣтей. Пріюты эти обеспечены и не требуютъ общественной помощи. Что же заставило создавать новый пріютъ, немѣющій средствъ, а не размѣщать дѣтей въ существующіе? Ясно, что въ учрежденіи подобнаго пріюта было что-то искусственное, и это объясняется огромными расходами изъ тюремнаго комитета. Понятно, что обществу пришлось за это искусственное дѣтище когда нибудь разсчитаться. Понадобились жертвы и сборы. Надо было ихъ привлекать искусственнымъ же образомъ, и вотъ собрано, благодаря вліянію губернатора, вновь 28.025 р., а общая сумма для содержанія пріюта и фондъ его стоитъ 47.275 р. обществу. Управление пріютомъ также должно было испытать новыя перипетіи. Учреждается новое попечительство съ почетными членами изъ мѣстныхъ купцовъ и торговцевъ. Выиграетъ-ли дѣло при новомъ управленіи и попечительствѣ—покажетъ будущее. Вѣдь и прежде оно управлялось филантропами.

Остается ему пожелать всѣхъ благъ и, при сосредоточеніи мѣстныхъ капиталовъ и привлеченіи жертвователей, избавленія только отъ общихъ недостатковъ сибирской благотворительности, какъ-то игры въ честолюбіе, взамѣнъ истинной гуманности, неразборчиваго привлеченія благотворителей и крайне дурнаго веденія хозяйственныхъ дѣлъ.

Къ хроникѣ мѣстной жизни по дѣлу бѣльскаго головы, о чемъ уже было въ печати, намъ сообщаютъ: Послѣ вызова бѣльскаго головы въ Енисейскъ прошло болѣе мѣсяца, а дѣло оставалось въ одномъ положеніи. Понявъ, что дѣло оттягивается въ долгій ящикъ, Сидоровъ рѣшился собрать сходъ, каковой и былъ созванъ имъ въ началѣ мая. Такъ какъ засѣдатель Л. официально запретилъ созвать сходъ по дѣлу Сидорова,—то цѣль схода была мотивирована желаніемъ ходатайствовать передъ губернаторомъ: 1) о выдачѣ изъ запаснаго магазина хлѣба на обѣмненіе полей и 2) объ отмѣнѣ, по случаю бѣдственнаго положенія волости, обязательныхъ работъ по дорожной повинности, за исключеніемъ особенно нужныхъ починокъ мостовъ и гатей. Когда совѣщаніе объ этихъ двухъ предметахъ было окончено и оформлено въ приговорахъ голова предложилъ избрать двухъ уполномоченныхъ для личнаго ходатайства передъ губернаторомъ по поводу его столкновенія съ писаремъ Королевымъ и за-одно уже поручить имъ представить утвержденные приговоры лично губернатору. Гласники выбрали депутатовъ и уполномочили голову израсходовать на путевыя издержки ихъ до 60 рублей изъ „тунной“ *) суммы. Черезъ 6 дней депутаты вернулись изъ Красноярска ни съ чѣмъ: насчетъ хлѣба и дорогъ имъ кое-что обѣщали, да не исполнили: о головахъ же они и не заикнулись, такъ какъ люди, къ которымъ они обращались за составленіемъ прошенія (имъ вѣдѣно было подать объ этомъ письменное прошеніе) сильно напугали ихъ, нарисовавъ имъ тѣ ужасныя послѣдствія, которымъ они могутъ подвергнуться за такую продерзость.

Дѣло на время затихло. Но вотъ прибылъ въ Бѣлое для производства слѣдствія по дѣлу Сидорова губернской стряпчий. Онъ поохотился съ засѣдателемъ и писаремъ, потолковалъ о пользѣ общаго мира и согласія—и улетучился. За нимъ прибылъ въ с. Бѣлое спеціально для ревизіи торгово-промышленныхъ заведеній чиновникъ особыхъ порученій енисейской казенной палаты. Безъ всякаго права и уполномочія, только изъ желанія угодить г. Л.,—онъ явился съ послѣднимъ въ волостное правленіе,—позвалъ туда голову,—и вдвоемъ съ Л. отняли у Сидорова печать и вручили ее кандидату по головахъ, креатурѣ г. Л.; процедуру эту совершили торжественно, въ присутствіи крестьянъ,—желая, такъ сказать, дискредитировать этимъ Сидорова въ глазахъ послѣднихъ... Между тѣмъ, писарь Королевъ сталъ упрекать волостнаго старосту Кучина въ „розстратѣ“ 60 рублей изъ тунной суммы: это было въ іюнь. Обиженный Кучинъ попросилъ собрать сходъ для учета суммъ. Л. наложилъ свое veto. Кучинъ, зная, что всякій, на рукахъ котораго находятся волостныя суммы, имѣетъ право требовать учета, отправилъ кандидата своего Звѣрева словесно приглашать, по участкамъ, общественниковъ на сходъ. 14-го іюня собрался сходъ, не взирая на грозную запрети-

*) Тунной (отъ слова «туни») называется сумма, образовавшаяся отъ сборовъ съ крестьянъ при проѣздѣ губернаторовъ, архіереевъ и пр., никуда незаписываемыхъ.

тельную бумагу засѣдателя, и потребовать отъ писаря учета. Королевъ преспокойно заявилъ сходу, что сходъ для него ничего не значить и никакихъ отчетовъ онъ давать не намѣренъ, поиронизировалъ на счетъ схода, заперъ канцелярію и ушелъ домой. Такъ какъ составить приговора некому было (помощники Королева и сельскій писарь отказались), сходъ отправилъ уполномоченныхъ къ попу, — но попу, опасаясь послѣдствій, отказался; обращаются къ новому учителю (замѣнившему Черепанова по протекціи г. Л.), но и тотъ отказался, хотя ему предложили за составленіе приговора 21 рубль. Наконецъ, добыли грамотѣя (въ деревнѣ Селивановой), согласившагося составить приговоръ, коимъ два крестьянина (Мироновъ и Рукаковъ) уполномочиваются подать прошеніе отъ имени общества губернатору объ удаленіи писаря Королева за его мошенничество, выразившееся: 1) въ употребленіи 8 пудовъ желѣза со сгорѣвшаго общественного дома для своего собственного дома; 2) въ утайкѣ, при аукціонной продажѣ, 12 пудовъ ржаного хлѣба, оставшагося отъ умершаго поселенца Егорова; 3) въ сокрытіи двухъ быковъ, подлежащихъ такой же продажѣ; 4) въ неправильной раскладкѣ податей и повинностей на 1882 г.: противъ раскладки казенной палаты оказалось излишне-наложеннаго на каждую ревизскую душу по 43¹/₄ к., въ чемъ и. д. исправника, г. Баторевичъ, уличилъ писаря при обществѣ 26-го мая.

Такъ какъ засѣдатель предписалъ письменно не давать паспортовъ выбраннымъ уполномоченнымъ, то они отправились 16-го іюня въ Красноярскъ съ одними удостовѣреніями старосты. 19-го іюня уполномоченные подали прошеніе и. д. енисейскаго губернатора и получили обѣщаніе, что черезъ недѣлю будетъ присланъ къ нимъ слѣдователь.

Конца этому дѣлу, однако, и теперь еще нѣтъ. Носятся темные слухи, что предполагается въ скоромъ времени привлечь Сидорова къ слѣдствію серьезнаго свойства. Очень вѣроятно: вѣдь навлекъ же Л. оффициально и письменно на Черепанова обвиненіе, желая его уничтожить; почему же не поступить такъ и съ Сидоровымъ. Какое завидное всевластіе у сибирскихъ засѣдателей! можемъ мы прибавить къ этому извѣстію.

Въ статьѣ, помѣщенной въ „В. О.“ № 18, о минусинскомъ публичномъ музеѣ, вкрались неточности; намъ прислали поправки, которыя здѣсь и слѣдимъ помѣтить. Во-1-хъ, основатель музея, г-нъ Мартьяновъ питомецъ не казанскаго, а московскаго университета, ученикъ профессоровъ Ан. П. Богданова и Г. Е. Щуровскаго, и отправился въ Сибирь съ опредѣленнымъ намѣреніемъ посвятить свои труды на изслѣдованіе Сибири; во-2-хъ, г. Мартьяновымъ не было продаваемо никакихъ древностей даже съ цѣлью выручки средствъ для улучшенія музея; поводомъ же къ подобному слуху послужило слѣдующее обстоятельство: въ рукахъ минусинскаго исправника А. Баранова находился золотой браслетъ, стоившій 100 руб.; боясь, что эта вещь, а также двѣ серебряныя древнія вазочки, также находившіяся въ частныхъ рукахъ, могутъ пропасть для науки, въ минусинскій-же музей пріобрѣсть такіа дорогія вещи не было средствъ, г. Мартьяновъ извѣстилъ извѣстнаго собирателя и знатока сибирскихъ древностей г. Лопатина, которымъ они и пріобрѣтены. Въ-3-хъ, минусинская дума состоитъ изъ людей средняго достатка и скорѣе бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ; суммы, отпускаемыя городомъ на образованіе вообще и въ частности на публичный мѣстный музей, весьма значительны, если принять во вниманіе скромный городской бюджетъ. Вотъ смѣта расходовъ Минусинска на 1882 г.: на городское управленіе 3924 р., содержаніе пожарной части и острога 3252 руб., учебныя заведенія, музей и библіотека 5050 р. (городское трехклассн. училище 3750 р., женск. прогимназія 800 р., музей и библіотека 500 р.), разные расходы 1117 р., всего 13,343 р. Сравните эти цифры съ слѣдующими, заимствованными изъ недавно изданной прекрасной книги: „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“: Омскъ изъ общихъ расходовъ 32,279 рублей тратитъ на народное образованіе только 1692 руб., Томскъ изъ общихъ расходовъ въ 139,695 руб. только 7,693 руб., Иркутскъ изъ суммы 190,415 только 14,847 р.; другими словами, Минусинскъ даетъ на школы 37%, Иркутскъ 7%, Омскъ всего 5%.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Кульджи (корресп. «Восточн. Обозр.»). Граница наша съ китайскими владѣніями проведена отъ впаденія р. Баянгола внизъ по р. Текеу до впаденія въ нее р. Сюмбе, далѣе — вверхъ по теченію послѣдней до Сарытау, отсюда по вершинамъ этихъ горъ и затѣмъ, перейдя черезъ р. Косанъ — по вершинамъ горъ, отдѣляющимъ эту рѣку отъ Караганды, на гору Сарынахай. Переваливъ Бюютинскій хребетъ, граница пойдетъ на юго-западъ мимо Кальджата, оставляя поля и орошеніе послѣдняго въ нашихъ предѣлахъ. Въ виду опредѣленности дальнѣйшей границы, комиссаръ генералъ Фриде, уговорившись съ китайскимъ комиссаромъ Чаномъ, выѣхалъ на время въ г. Вѣрный лѣвымъ берегомъ р. Или, по неотложнымъ дѣламъ управленія областью; возвратится онъ уже на р. Боротолу, куда комиссія, оставшаяся подъ руководствомъ надъ. совѣти. Пантусова, поведетъ границу черезъ Хоргосъ, уже безъ участія генерала.

28-го августа, комиссія выступила изъ селенія Кальджата къ р. Или на устья р. Хоргоса

Иркутскъ, 25 августа (корресп. «Вост. Обозр.»). Пріѣздъ новаго начальника губерніи въ Сибири, можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, составляетъ важное событіе. Такое событіе совершалось здѣсь 17 августа: пріѣхалъ новый губернаторъ, г. Носовичъ. 19-го былъ у него пріемъ должностныхъ лицъ. На этомъ пріемѣ г. Носовичъ произвелъ пріятное впечатлѣніе: онъ со многими разговаривалъ, почти всѣхъ разспрашивалъ о прежней и настоящей ихъ службѣ. Онъ просилъ чиновниковъ помогать ему и знакомить его съ положеніемъ дѣлъ и мѣстными порядками, потому, что хотя онъ и занимался прежде административными дѣлами, но Сибирь имѣетъ свои особенности, а главное, здѣсь нѣтъ земства, гласнаго суда и независимой печати, которая раскрываетъ администраціи глаза на многое, что иначе было бы отъ нея скрыто. Этотъ отзывъ подастъ мѣстной печати нѣкоторую надежду на лучшія времена.

22-го былъ пріемъ гласныхъ думы и сословныхъ представителей. Наши гласные вообще неохотники до парадныхъ пріемовъ: собралось всего человѣкъ двадцать. Въ рѣчи своей гласнымъ губернаторъ указалъ на нѣкоторые недостатки, которые онъ успѣлъ замѣтить въ продолженіи своего недолгаго пребыванія въ городѣ, — между прочимъ на то, что по уличнымъ тротуарамъ нельзя ходить; что полы въ одной изъ пожарныхъ провалились; что въ пожарныхъ помѣщеніяхъ живутъ жены и семейства полицейскихъ и пожарныхъ служителей («бабья команда»); что пожарный обозъ очень неисправенъ, и что въ городѣ вовсе нѣтъ наружной полиціи. Последнее обстоятельство онъ приписывалъ тому, что полицейскіе, вмѣсто прямой своей обязанности, занимаются разноской конвертовъ и тому подобными дѣлами; что полиція страдаетъ многосаніемъ, которое повидимому сильно развито въ Сибири, потому что и онъ, губернаторъ, уже задушенъ бумагами, что причиной такого ненормальнаго положенія (отсутствія наружной полиціи) должно считать недостатокъ канцелярскихъ средствъ полиціи. Пріѣзжему начальнику, повидимому, еще неизвѣстно, что полиція производитъ здѣсь даже двойную канцелярскую работу, потому что, кромѣ канцеляріи полицейскаго управленія, существуетъ еще, не основанная ни на какомъ законѣ, особая канцелярія полиціймейстера, которая, разумѣется, также требуетъ расходовъ. При этомъ изъ рѣчи его гласные узнали, что здѣсь существуетъ такъ называемый кабацкій налогъ въ пользу полиціи, доставляющій ей до 7,200 р. въ годъ. Губернаторъ находилъ этотъ налогъ неправильнымъ и роняющимъ достоинство полиціи и желалъ, чтобы дума приняла

собираніе его на себя, и отъ себя уже передавала полиціи. Вообще рѣчь его, въ концѣ-концовъ, свелась на необходимость увеличить средства полиціи. «Мы уже десять лѣтъ слышали эту пѣсню!» — «Полиціи сколько ни давай, все будетъ мало!» думали между тѣмъ гласные. — «Полиція у насъ очень разрослась; нужно хлопотать объ уменьшеніи ея, а не о прибавкѣ». — «Губернаторъ, какъ видно, идеалистъ: вѣрить въ возможность хорошей полиціи, но мы на своемъ вѣку много видѣли. Боюсь за одно, оплетутъ его канцелярскіе и полицейскіе крючкодѣи.» — Таковы были отзывы гласныхъ при выходѣ съ приѣма и въ разговорахъ потомъ.

Г. Павлодаръ (корресп. «Восточ. Обозр.»). Въ административномъ мірѣ существуетъ обычай—сбора пожертвованій въ пользу разныхъ комитетовъ, обществъ, а иногда и на устройство публичныхъ садовъ. Пожертвованія эти часто бываютъ почти вынуждаемыя. Форма вымогательствъ бываетъ различна, но при всѣхъ измѣненіяхъ этой формы вымогающія играютъ роль весьма некрасивую. Начальникъ, неприступный въ другое время, при желаніи привлечь извѣстнаго субъекта къ подпискѣ на крупную сумму, видоизмѣняется. Какой-нибудь эксплуататоръ, чуть не воръ—купчина, вдругъ, къ своему изумленію, встрѣчаетъ самый любезный приѣмъ, приглашается въ кабинетъ, усаживается на мягкій диванъ; ему предлагаютъ чай, сигары... въ результатѣ—подписка и полученіе сотняги или нѣсколькихъ сотенъ рублей. Я не говорю здѣсь объ униженіи достоинства начальника, это его личное дѣло; но въ комедіи этой есть очень грустная черта.

Процессъ и результаты такихъ добровольныхъ жертвованій являются во всемъ своемъ безобразіи при практикованіи этого достоянственнаго приѣма въ средѣ массы, стоящей на низкой степени развитія. Я расскажу, что выходитъ изъ этихъ жертвованій въ степи, между киргизами. Весьма интересно!

Уѣздные начальники, состоя предсѣдателями тюремныхъ комитетовъ, имѣютъ у себя листы для сбора пожертвованій. Листы эти они обыкновенно берутъ къ себѣ на домъ, а иногда и берутъ по волостямъ, собирая якобы добровольныя ленты. Вообразите уѣзднаго начальника, ухаживающаго за обрюзгимъ и оплывшимъ жиромъ полудикаремъ, умѣющимъ съ трудомъ выговорить нѣсколько словъ по-русски, всѣ заботы котораго устремлены на то, чтобы воспользоваться случаемъ провести въ управители своего родственника и столкнуть съ мѣста своего врага, или-же просто зарасположить въ свою пользу уѣзднаго на случай скандала по поводу принятія краденыхъ лошадей, а не то—и похуже. Не можетъ-же уѣздный начальникъ, несмотря на свою власть, приказать жертвовать, и вотъ онъ своего подчиненнаго гостя угощаетъ чаемъ, говоритъ въ то время, когда его слушатель сонитъ, бессмысленно хлопая глазами, и просыпается только тогда, когда услышитъ рѣчь о деньгахъ; поспѣшно лѣзетъ въ карманъ и торопится узнать, сколько нужно? Ему нѣтъ дѣла, куда эти деньги пойдутъ, онъ знаетъ, что далъ уѣздному и считаетъ себя въ правѣ рассчитывать на его покровительство, на случай надобности. По отъѣздѣ уѣзднаго, или по выходѣ изъ его квартиры, если это было въ городѣ, онъ съ должнымъ апломбомъ расскажетъ въ кругу многочисленныхъ слушателей, обитателей степи, какъ его угощала уѣздный чаемъ, пожалъ руку и взялъ столько-то руб., не преминувъ при этомъ удешевить сумму, дѣйствительно имъ данную. Понятно, что изъ этого выходитъ. Богатый киргизъ, одурѣвшій отъ жиру и незнающій, куда дѣваться съ деньгами, получаемыми имъ десятками тысячъ изъ Оренбурга за быковъ, взятыхъ у бѣдноты за безцѣнокъ, приобретаетъ въ глазахъ бѣднаго кочевника

мишечскую силу... Этотъ полуидіотъ можетъ безнаказанно убить человѣка: на него никто не донесетъ.

Насколько киргизы умѣютъ пользоваться подобными поступками начальства, можно судить по слѣдующему примѣру. Недавно, по распоряженію семипалатинскихъ губернскихъ властей, было командировано нѣсколько человѣкъ казаковъ, подъ начальствомъ какого-то чиновника, для поимки киргиза, осужденнаго за воровство лошадей; казаки исполнили свою миссію исправно: явились въ аулъ внезапно, причемъ страшно перепугали населеніе, и схватили искомаго киргиза. Нужно знать, что арестованный киргизъ обвинялся вмѣстѣ съ другими своими сородичами въ томъ, что ночью они угнали изъ табуна богатаго киргиза Павлодарскаго уѣзда 140 лошадей, причемъ будто-бы связали пастуховъ, бывшихъ при табунахъ, т.-е. употребили скорѣе насиліе, чѣмъ простое воровство, подлежащее суду биевъ, превратили въ грабежъ, за что, по рѣшенію семипалатинскаго областнаго правленія, осуждены въ каторгу. Исторія эта весьма темная и, вѣроятно, въ будущемъ о ней придется поразсказать много интересныхъ вещей; но дѣло пока въ томъ: послушайте, какъ воспользовался самымъ фактомъ ареста истецъ. Вскорѣ послѣ ареста, онъ мнѣ рассказывалъ объ ужасахъ, постигшихъ его противниковъ. Несмотря на плохое обладаніе русскимъ языкомъ, онъ такъ живо нарисовалъ картину обнаженныхъ шапекъ и направленныхъ на арестуемаго револьверовъ и вообще всю процедуру ареста до связыванія рукъ назадъ включительно, что и мнѣ стало жутко. Вообразите-же, какое дѣйствіе произведетъ такой разсказъ, переданный на родномъ киргизскомъ языкѣ, приправленный мимикой и жестами, на простаго киргиза? Если же при разсказѣ не будетъ упущено изъ виду—внушить слушателямъ, что всѣ эти ужасы напущены на опальный аулъ только по его, разскащика, просьбѣ и для охраненія его табуновъ, то дѣлается понятнымъ, чего онъ можетъ достигнуть. — «Я тебя съѣмъ какъ зайца,—сгною въ острогѣ, сошлю въ каторгу, какъ сослазъ такихъ-то», — угрожалъ скорѣ послѣ мой разскащикъ какому-то бѣдняку, осмѣлившемуся въ чемъ-то противорѣчить ему.

Киргизъ этотъ наводитъ панической страхъ на волость и дѣлаетъ, что хочетъ; на-дняхъ провелъ своего брата въ управители. Какъ видите, туземный паукъ ловко сумѣлъ эксплуатировать въ свою пользу строгое распоряженіе областнаго начальства и постарался крѣпче затянуть петлю, заброшенную имъ на шею бѣднаго населенія.

—Господа уѣздные начальники, какъ вы думаете, во сколько обходится населенію каждая сотня, подписанная моимъ разскащикомъ въ ваши подписныя листы?...

Теперь посмотримъ другую сторону разсматриваемаго нами вопроса.—Могу, на примѣръ, заявить теперешнему павлодарскому уѣздному начальнику г. Афанасьеву, что мнѣ не одинъ разъ пришлось выслушивать сѣтованія киргизовъ на то, что онъ, г. Афанасьевъ, беретъ взятки по 10 руб. — Я увѣренъ, что ни одинъ уѣздный начальникъ не возьметъ взятку въ 10 руб., потому что это—позорная сумма, недопускаемая въ практикѣ, и предполагаю, что г. Афанасьевъ беретъ по 10 руб. въ пользу тюремнаго комитета; но для киргизовъ безразлично, куда идутъ деньги, они говорятъ, что уѣздный беретъ по 10 р. и возмущаются. Что же можетъ дѣлаться въ волостяхъ, въ глубокой степи, откуда и въ уѣздномъ городѣ рѣдко что можно услышать? Традиціонные обычаи массы,—главный регуляторъ гражданской жизни кочевника, часто служатъ только средствомъ для болѣе ловкихъ людей къ обиранию массы и держанію ея въ экономической зависимости.—Безъ сомнѣнія, въ такомъ печальномъ положеніи дѣла виноваты не

одни сборы по подписнымъ листамъ: жизнь кочевника, основанная на немногихъ обычаяхъ, при столкновении съ порядками цивилизованнаго государства, должна видоизмѣняться, и, по общему закону, на первыхъ порахъ,—въ худую сторону; но обязанность цивилизующаго государства не увеличивать число вредныхъ вліяній на жизнь и безъ того обездоленнаго степняка, а уменьшать; въ числѣ такихъ уменьшеній должно, по моему мнѣнію, стоять и запрещеніе уѣзднымъ начальникамъ дѣлать какіе либо сборы въ стѣны присутствія; а также нравственною ихъ обязанностью должно быть условіе—неподдержки, прямымъ или косвеннымъ путемъ, богатыхъ киргизовъ, сдѣлавшихся истиннымъ бичемъ Божіимъ своей меньшей братіи. Я понимаю эту поддержку въ виду политическихъ соображеній, когда-то, при завоеваніи степи; теперь же эти соображенія могутъ только маскировать соображенія—чисто карманныя.

Тюмень (корресп. «Восточ. Обозр.»). Въ прошлой своей корреспонденціи я жаловался на неподвижность тюменской общественной жизни, но умолчалъ объ отраженіи ея, теперь пополюю этотъ пробѣлъ. Отраженіе ея, разумѣется, заключается въ дѣятельности, или лучше сказать, въ бездѣятельности здѣшней городской думы. Нашъ муниципалитетъ (представьте себѣ!) въ продолженіи всего лѣтняго сезона едва ли имѣлъ даже до двухъ состоявшихся засѣданій, между тѣмъ на очереди, требующей скорѣйшаго разрѣшенія, поставлено много весьма важныхъ вопросовъ, которые, казалось-бы, должны были интересоваться какого угодно апатичнаго гласнаго, даже гласнаго нашей думы. Чѣмъ объяснить такую небрежность въ отправленіи своихъ обязанностей? Отвѣтомъ на это, я полагаю, можетъ служить, во-первыхъ, непопулярность тѣхъ, которые состоятъ во главѣ общественнаго управленія городомъ. Во-вторыхъ, неумѣнье нашихъ предѣлательствующихъ въ думѣ ставить вопросы, руководить преніями, изложить резюме и т. д., слѣдствіемъ чего является лишняя потеря времени, безплодность разсужденій, что дѣйствуетъ снотворно на гг. гласныхъ, почему они и предпочитаютъ спать лучше у себя въ домѣ, чѣмъ въ городской думѣ.

Въ-3-хъ, недостатокъ людей независимыхъ и въ то же время умѣющихъ быть гласными безгласными—вотъ эти-то причины въ связи съ тѣми, о которыхъ я не упомянулъ, но которыя замѣчены уже давно въ нашей прессѣ, и приводятъ къ безжизненности наши общественныя учрежденія. Къ послѣдному считаю нужнымъ присоединить еще одно замѣчаніе: по всѣмъ признакамъ и подмѣченному мною настроенію я полагаю, что въ случаѣ даже появленія людей, которыхъ я характеризовалъ, какъ умѣющихъ быть гласными, людей образованныхъ—эти люди встрѣтятъ не поддержку, а напротивъ тайную и явную оппозицію со стороны многихъ нашихъ Сергѣевъ-заправилъ; также полагаю, что присоединятся къ нимъ и нѣкоторые изъ тѣхъ «образованныхъ», которые уже играютъ ту или иную роль въ общественной жизни. Впрочемъ, это бывало и бываетъ не въ одной Тюмени вмѣсто того, чтобы сплочиваться нашей интеллигенціи, и безъ того немногочисленной, она разъединяется и такимъ образомъ даже въ этомъ случаѣ не хочетъ подчинить свои личные интересы общественнымъ. Многого бы можно сказать на эту тему, но опасаясь слишкомъ растянуть мою корреспонденцію, почему приведу здѣсь только цифры думскихъ бюджетовъ, которые представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Приходъ:		Расходъ:	
	Смѣтное исчисленіе.	Дѣйствительно произведено.	Смѣтное исчисленіе.	Дѣйствительно произведено.
1877 г.	70 т. р.	59 т. р.	88 т. р.	57 т. р.
1878 г.	66 т. р.	60 т. р.	94 т. р.	55 л. р.

1879 г.	78 т. р.	84 т. р.	117 т. р.	87 т. р.
1880 г.	81 т. р.	69 т. р.	120 т. р.	71 т. р.
1881 г.	70 т. р.	69 т. р.	101 т. р.	69 т. р.
1882 г.	72 т. р.	>	93 т. р.	>

Изъ представленной таблицы, во-первыхъ, видно, что въ бюджетѣ у насъ постоянные и смѣтные и дѣйствительные дефициты; во-2-хъ, сразу бросаются въ глаза громадныя по отношенію къ такому городу, какъ Тюмень, расходы. На послѣднее могутъ возразить, что, значить-де Тюмень много тратитъ на мостовыя, освѣщеніе, на народное образованіе, что она находится въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ. Читатель, незнающій Тюмени и представляющій такое возраженіе, глубоко ошибется. Мостовыхъ въ Тюмени—совсѣмъ нѣтъ и даже которыя были, то мы, чтобы съ ними не безпокоиться, ихъ уничтожили; освѣщеніе у насъ ограничивается 130-ю фонарями, на что дума ассигнуетъ рублей 700 въ годъ; народное образованіе у насъ не въ авантажѣ: 15 лѣтъ и даже болѣе назадъ у насъ было 3 приходскихъ училища мужскихъ и одно женское для дѣвочекъ, и теперь оно, въ отношеніи числа училищъ, представляется въ томъ-же самомъ видѣ, и можно было бы сказать, что оно абсолютно стоитъ на точкѣ замерзанія, если бы частное лицо не построило реальное училище, которое поглощаетъ изъ городской кассы 10 т. р.; о гигиеническихъ условіяхъ... виновать, мы въ этомъ отношеніи находимся въ такихъ условіяхъ, что можно говорить только объ антигигиеническихъ.

Впрочемъ, о томъ, въ какихъ гигиеническихъ условіяхъ живемъ мы среди нашихъ салотопенныхъ, портящихъ воздухъ, и кожевенныхъ, портящихъ воду, заводовъ, мы расскажемъ еще цѣлую притчу. А теперь только хотимъ напомнить, что тюменскій Кондрать все еще не цивилизовался настоящимъ образомъ, хотя въ немъ есть и Кондрашкины дѣти. «И желѣзную дорогу проведутъ къ намъ, говоритъ обыватель, а все-таки долго еще у насъ будетъ это самое свинство!» Такъ онъ порою обличаетъ самъ себя. Можетъ быть, сознание—начало исправленія.

КАКЪ МЫ ОТЫСКИВАЛИ НОЕВЪ КОВЧЕГЪ.

У алтайскихъ инородцевъ сохранилось о потопѣ слѣдующее преданіе. До потопа царемъ всей земли былъ ханъ Тенгисъ (море). Въ царствованіе его былъ славенъ по всей землѣ человекъ, по имени Нама, которому Ульгенъ (доброе боже-ство) велѣлъ построить корабль (кереп) изъ дерева адыра салдан агаши (испытанное сандальное дерево). Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ Соозун-уулу, Сар-уулу и Балыксѣ, строить корабль на горѣ. Нама былъ слабъ зрѣніемъ; поэтому при строеніи корабля распорядился старшій сынъ его. Корабль, по повелѣнію Ульгени, изнутри и снаружи обклеили берестой со смолою; къ угламъ и стѣнамъ его Нама велѣлъ привязать 8 веревокъ, длиною по 80 саж. съ чугунными кружками на концахъ. Соозунъ спрашивалъ Наму: «для чего эти веревки?» Нама отвѣчалъ: «мы узнаемъ по этому, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 саж.». Когда корабль былъ построенъ, Нама собралъ всѣхъ людей, кого онъ любилъ. Ибо такъ Ульгенъ сказалъ ему: «Кого ты любишь, того возьми съ собою, и всякое живое и дышащее, и птицъ летающихъ». Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями своими вошелъ въ корабль, тогда приступило къ нему множество животныхъ. Нама приказалъ принимать входящихъ звѣрей и птицъ въ корабль!

Соозун-ууль спросилъ: «вотъ здѣсь приползла змѣя, позволишь ли принять ее?» Нама сказалъ: «всѣхъ принимай, кто бы ни былъ, кто только успѣетъ придти, кто только поймается за корабль». Потомъ Нама спросилъ находящихся въ кораблѣ: «видите ли что-нибудь?» Ему отвѣчали: «туманъ и тьма по всей землѣ». Тогда вода прорвалась изъ подземныхъ жилъ, и начала выскакивать изъ ручьевъ, рѣкъ и морей, и устремилась на землю. Съ неба полилась также вода. Когда корабль поднялся на 80 саж., а вода все прибывала, тогда веревки оторвались отъ привязаннаго груза, и корабль началъ плавать. Нама сказалъ: «вотъ уже седьмая сутки.» Когда миновало 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Соозуну открыть туунук (труба или окно вверху свода) и посмотреть. Соозунъ, исполнивъ приказаніе, сказалъ: «все затоплено водой, только видны вершины горъ». Черезъ нѣсколько времени Нама еще приказалъ Соозуну открыть туунук. Соозунъ, посмотрѣвши во всѣ стороны, сказалъ: «ничего не видно, только небо и вода». Наконецъ, корабль остановился на двухъ горахъ, близко стоящихъ одна къ другой: Чомгоодой и Тулутты. Тогда Нама самъ открылъ отверстіе и выпустилъ ворона. Воронъ не возвратился. На другой день Нама выпустилъ ворону, и она назадъ не прилетѣла. Въ третій день выпустилъ онъ сороку, но безъ пользы, и въ четвертый—голубя. Голубь прилетѣлъ и принесъ березовую вѣтку. Нама спросилъ голубя о прежде выпущенныхъ птицахъ. Голубь отвѣчалъ: «воронъ нашелъ марала (лось), увязшаго въ каменномъ ущельѣ и клюетъ глаза его. Ворона нашла собаку и клюетъ ей задъ. Сорока нашла коня и клюетъ хребетъ его». Тогда Нама проклиналъ ихъ, сказавъ: «что теперь они дѣлаютъ, то пусть дѣлаютъ до конца вѣка. Воронъ пусть клюетъ глаза у павшихъ животныхъ, ворона — задъ, а сорока хребетъ пусть клюетъ. Ты же, сказалъ онъ голубю, мой вѣрный слуга, благословляю тебя до скончанія вѣка жить вмѣстѣ съ моими потомками».

Алтайцы приносятъ Намѣ, подъ именемъ Яикъ-хана, въ жертву бѣлую овцу, на высокой горѣ, преимущественно весной; также при всякомъ шаманствѣ молятся ему, чтобы проводилъ къ Ульгеню. Въ 40-й день, по смерти кого-либо, Яикъ-ханъ призывается для очищенія юрты, причемъ къ постелѣ умершаго привязывается пѣтухъ, изображающій смерть и изгоняется камомъ или шаманомъ. Оттого пѣтухи у инородцевъ въ нищу не употребляются. Еще призывается Яикъ-ханъ въ томъ случаѣ, когда не ведется скотъ. Инородцы вѣруютъ, что умершіе родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда Яикъ-ханъ, при жертвоприношеніи ему, выгоняетъ его потономъ. Камъ представляетъ, что онъ приходитъ будто бы въ жилище душъ умершихъ родственниковъ (узуттер іеріне) изъ того семейства, у коего камлуется, разговариваетъ съ ними, подчуется ихъ виномъ, напивая до-пьяна, разговоры ихъ произноситъ ихъ голосами и всѣ дѣйствія выражаетъ подобно имъ. Въ разговорахъ и пѣсняхъ камъ представляетъ: какъ умершіе, напившись, поютъ пѣсни и проч., какъ притомъ внезапно входитъ потопъ въ жилище умершихъ; представляется смятеніе, ужасъ и безпокойство каждаго лица изъ умершихъ и прекращеніе потопа сыпаніемъ земли и золы. Камъ, пользуясь смятеніемъ, угоняетъ у нихъ скотъ; умершіе будто бы кричатъ вслѣдъ ему и посылаютъ погоню. Въ началѣ представленія всѣхъ этихъ дѣйствій шаманъ мараетъ свое лицо сажей, чтобы

умершіе не узнали его. Когда же они догадываются, что шаманъ пришелъ отъ ихъ живыхъ родственниковъ, то онъ уворачиваетъ ихъ, что совсѣмъ ихъ не знаетъ и т. п.

Вопросъ—гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ—сильно занимаетъ нашихъ инородцевъ. Алтайцы—теленгеты остановленіе ковчега присвоиваютъ своей мѣстности, указывая даже на ущѣлѣвшій будто-бы отломокъ отъ ковчега на горѣ близъ устья р. Чемала. Напротивъ, аладагцы - татары Кузнецкаго округа утверждаютъ, что ковчегъ обсохъ на вершинѣ горы Улу-дага (большая гора), на лѣвомъ берегу р. Мрасы, гдѣ сохранились-де и до сихъ поръ огромныя плахи съ громадными шпилями отъ ковчега. Гора Улу-дагъ находится въ моихъ миссіонерскихъ владѣніяхъ. Если по правдѣ сказать, то у миссіонеровъ никакихъ владѣній не имѣется, но вѣдѣнія ихъ у мѣстныхъ мыслителей почему-то представляются именно владѣніями. Поэтому, и мы удерживаемъ этотъ терминъ, такъ какъ слово-то хорошее, хотя въ данномъ случаѣ и не имѣетъ смысла. Разговаривая съ новокрещенными чадами своихъ владѣній о разныхъ предметахъ, мы коснулись и останковъ ковчега, выразивъ притомъ нѣкоторое сомнѣніе. Инородцы старались разогнать всякую тѣнь нашего сомнѣнія, и на вопросъ нашъ: можетъ ли кто-нибудь изъ нихъ показать намъ останки отъ ковчега?—отвѣчали съ такою положительною рѣшимостью, какъ будто дѣло шло объ указаніи какой-нибудь пихты. Разсужденія эти происходили въ юртахъ крестника моего—Ончупа, при р. Бугунчи, не далеко отъ подошвы горы Улу-дага. Ончупъ—человѣкъ основательный и охотникъ замѣчательный, прошедшій и изслѣдовавшій свою тайгу вдоль и поперекъ, добывавшій за-разъ по десяти мараловъ въ загородахъ съ наставленными въ разныхъ мѣстахъ самострѣлами-шергеями, а бѣлку, не иначе стрѣляющій, какъ въ мордочку, чтобы не портить шкурки. Въ юртахъ его считается 41 душа подвѣдомыхъ ему родственниковъ — дѣтей, внуковъ, племянниковъ и т. д., и вся эта патриархальная семья въ урожайный годъ добываетъ не одну сотню пудовъ орѣховъ съ кедровъ улудагскихъ. Два сына Ончупа выстроили себѣ по дому съ двумя комнатами, раздѣленными сѣнями, но самъ Ончупъ не измѣнилъ дѣдовскимъ преданіямъ—остался въ юртѣ, которую предпочитаетъ всякому дому. Мы, съ своей стороны, находимъ такую оцѣнку юрты понятною и справедливою, ибо домъ требуетъ чистоты и опрятности—качествъ, недостающихъ у черневыхъ инородцевъ. Въ черни, или тайгѣ, рядомъ съ юртами встрѣчаются и домики. Но въ этихъ домахъ жить вредно не только человѣку, но и всякому животному. Этотъ-то самый, положительный Ончупъ и вызвался быть обличителемъ нашего невѣрія, проводникомъ и посредникомъ къ осезанію останковъ Ноева ковчега.

Утромъ 11 іюня, напившись чаю и взявши съ собою на дорогу сухарей, мы отправились съ Ончупомъ въ подлежащій намъ путь. Но предъ отправкою еще произошелъ слѣдующій эпизодъ: приготовленный подъ меня конь, по увѣренію хозяина, смиренный, никакъ не допускалъ меня къ себѣ. Лишь только я подойду, конь на дыбы. Предполагая, что онъ дичится постороннихъ людей, я предложилъ толмачу своему попробовать сѣсть на него. Толмачъ сѣлъ спокойно, поѣхалъ немного и слѣзъ. Вѣроятно, думаю я, конь боится моего кожанаго халата. Скинувъ халатъ, я сталъ подходить къ коню, но онъ опять на дыбы. Что за притча? Осталась одна

моя, необычная у ивородцевъ, сѣдая борода предполагаемую причиною нерасположенія ко мнѣ коня; но какъ изъ-за лошадиной прихоти мнѣ не приводилось обрѣзать ее, то я попробовалъ подвязать ее платкомъ, и тогда конь спокойно дозволилъ мнѣ сѣсть на него.

Мы сначала отправились вверхъ по р. Вугунчи и переѣхали двѣ падающія съ Улу-дага рѣчки Тарлап-тушкен и Шагышъ. На пути намъ встрѣтилась богатая растительность, свойственная черни *).

*) Кедръ (алт. мѵш, јурук, алад. кузук агажы), сосна въ небольшомъ количествѣ (карагай), пихта (алт. чѵбі; алад. шѵбе) береза (алт. кайын; алад. казын), осина (апсак), черемуха (алт. јыммырт, јодро, алад. ныбырт), рябина (алт. караган; алад. дерево ундреш, ягода сейбе), ольха (алт. еене; алад. шиг-агаш, шо-агаш), тополь (терек), ель (тиген), оскорь (алт. јудерек; алад. јегдерек), боярка (алт. толоно; алад. толына, то), калина (алт. палын; алад. шанаш), жимолость (алт. узут агажы; алад. ит бурду, тогузон а-жы), малина (алт. агаш јѵилек, алад. агаш јѵистегі), смородина черная (каранат), красная (алт. кызылкат; алад. кызылнат), кислица (казырган), бузина (алт. емеген сѵбѵгі; алад. узут агажы, торелаш агажы), волчье лыко (*Daphne Mezereum*; алт. ѵзей, алад. ѵзый), гороховикъ (акація, алт. шапкын, алад. кастык), таволга, шиповникъ (тегенек), крушина (алт. таш арчын, алад. узут ныбырты), вѣтренница (алт. кой чечек; алад. песенезі), вересъ (алт. арчын; алад. аржан) кандык (пес), фіалка желтая (*Viola Altaica*) и синяя (*collina*): стародубка (*Adonis vernalis*), лютикъ желтый (куи кургуш, морчы, оранжевый (куи кузенезі), аконитъ разныхъ видовъ: широко-лиственный (кебес, пуру елѵн),—вьющійся (таг јергебіжі),—филичева (о елѵн), борецъ (*Delphinium intermedium*), Марьино корень (*Raeonia anomala*, алт. чайна баш; алад. шебене бажы, шегене, кайын), собачки (*Agrimonia*, ит оду, сарылчагот; алт. кой туткаш), звѣробой (пылан оду), горошекъ (кастыж-оду)—гусиный (ат кабары, марапча оду, тустуг оду)—вязиль (параш, пуру тарткыш, кас кургага) бѣлоголовникъ (*Spiraea ulmaria*, сас. шайы, кундус оду), кипрей (кѵіг оду), мирдовникъ (сые комургай, каба оду)—репейникъ (*Lappa*, алт. уак, тегенек; алад. абылатка, алатый, катыгот), серпуха (алт. сепіртке, алад. позуг оду), мать-мачиха (сай оду), майникъ (*Majanthemum bifolium*), медвѣжье ухо (*Verbascum thapsus*), тысячелистникъ (сай оду), гвоздика, василевскъ (апшак тічезі, апшак сыгазы), гулявица чихотная (*Parnassia vulgaris*) сарана (саргай, кайта), Егорьево копье (*Veronica longifolia*, сын оду), чертополохъ (*Cirsium heterophyllum*), колокольчики разн. вид. (*Campanula*), козлобородникъ (*Tragopogon pratense*), шкерда (*Crepis*, аш енезѵ), плакунь (*Lythrum salicaria*), воровецъ (*Pagis quadrifolia*), балдырьянь (*Valeriana*), копытень (*Asarum Europaeum*), богородская трава (*Thymus*) подорожникъ (*Plantago major*, табавя, јол оду), лебеда (керенек, ок кірен), ремень (*Rheum sibiricum*, санбар, салбан), молочай (сут оду), крапива (алт. чалканчак, алад. шалганак),—глухая (*Lamium album*), хмель (алт. кумдак; алад. кыбынак, кымнак), кукушкины слезы (кок машпага, улагчы, тегрі шат лачан), ирисъ, слизунъ (*All. nutans*, пагыр), чеснокъ (јер ускум), черемша (*All. ursinum*, калба, ачыгот), чемерица (алт. сырчак; алад. калчым, карчын), осока (курени), пырей (кышкын, тулуи от), папоротникъ (*Filix mas*, карчын, кабарчын,—*femina*, палыг оду), капуста заячья *Vurleugum*, кытай оду), сорочья ягода (*Polygonatum*, мырчак елѵн), баранникъ (*Agnica*), чистотѣль (кайа оду), татарское мыло (*Lichnis chalcedonica*, сабын), борщовникъ (палтырган), дягиль (тарал),—собачій (тогус уйему кобрак), лукъ-ботуень (кѵбірген), сыбызга (*Sacalia*, пыргы елѵн, апшак кулага), камышь (кога), щучья трава (сылган от), хвощъ (кыбырт, кунаш кузургу), черибыльникъ (кѵлей оду), бархатникъ-медунишникъ (кара јелѵм, кѵк оду, тукту улен), жабрей (тегенек, кадыг аза оду), дудка пыргы, придорожная иглока (јуребіш), клеверъ (тебе оду), аписъ (сарыг оду, лчыс), буквица черная (тогулак оду;

Ѣхали мы тропами охотничьими, а то и вовсе безъ тропы, продираясь между сплошнымъ кедровникомъ, по каменной розсыпи, слегка прикрытой землей. Чѣмъ выше мы взбирались, тѣмъ болѣе занимала меня мысль: «какъ крест балаи (крестникъ мой) будетъ мнѣ показывать то, чего нѣтъ»? Наконецъ, мы стали приближаться къ обнаженной вершинѣ Улу-дага, заваленной большими глыбами синеватаго камня, обросшаго мхомъ и баданомъ (*Saxifraga*, калчан, кайа шайы). Между камней, на тонкомъ слоѣ землицы понадалась и другая растительность, но до того тощая, что, напр., цвѣточекъ фіалки (*V. altaica*) достигалъ величины только серебрянаго пятачка. Попался также намъ экземпляръ красиваго растенія, прежде нами нигдѣ невиданнаго, котораго мы не могли опредѣлить, на подобіе сосновыхъ, заплетенныхъ иголь, загнутыхъ крючкомъ. Татары называютъ его селезен и корнями красятъ ткани въ красный и малиновый цвѣта. Ѣхать далѣе было нельзя, мы снѣжились, разсѣдали коней, привязали ихъ къ куреву, чтобы не беспокоили ихъ комары, а сами полѣзли вверхъ, по камнямъ. Прокарабкавшись по камнямъ около ста саж., мы подошли къ самой возвышенной части вершины Улу-дага, состоящей изъ отвѣснаго, неприступнаго утеса, на который Ончупъ торжественно указалъ своимъ перстомъ, и возвѣстилъ: «тамъ»!

Но если мы и не видѣли остатковъ отъ Ноева ковчега, за то съ вершины Улу-дага, доступной ногѣ человека, насладились необыкновеннымъ зрѣлищемъ окружающей природы. Ончупъ, воодушевившись, какъ самородный географъ, водилъ своимъ перстомъ по разнообразнымъ горамъ и многочисленнымъ рѣчкамъ и пояснялъ: вонъ, гора Чезенебес, на ней озеро аба-гѵл, изъ котораго вытекаетъ р. Мраса, далѣе другія горы; потомъ онъ перечислилъ всѣ рѣчки. Кромѣ полусотни рѣчекъ, чистыхъ, прозрачныхъ, текущихъ по мелкому гравію, много еще впадаетъ ручьевъ, подъ общимъ названіемъ айы рчак, колунчак, пулук. Вся эта разнообразно-холмистая аладагская мѣстность представляетъ живописную картину, красотою которой служить находящаяся въ моихъ же обширнѣйшихъ владѣніяхъ г. Мус-таг (ледяная), про которую можно сказать съ поэтомъ:

Мустагъ, какъ грань алмаза,

Снѣгами вѣчными сіялъ!

Прот. В. Вербицкій.

АВТОБІОГРАФІЯ С. С. ШАШКОВА.

III.

Жизнь вообще была и безсодержательная и мрачная, и только весна да лѣто приносили съ собой много радостей. Когда таялъ снѣгъ и нашъ громадный огородъ превращался въ настоящее озеро, я строилъ плоты и плавалъ на нихъ въ старомъ корытѣ, дѣлалъ вѣтренныя меленки, со страстью занимался птицеводствомъ, цѣлые

ароду); новелика (айна улен), незабудка (ненчі оду, јылан карага), душица (чапчан, чапшыи елон), девятильникъ (*Tanacetum*, топчу бажы елон, мартка баштыгот), аржанецъ (кырба елон), куроедъ *Caltha palustris*, пага карага), шавель козскій, левкой бѣл. и фіолет., атрагена (*Atragea alpina*), орлики (*Alquilegia*), погремужки (*Silene*, шмышкан јастага, копраиаштыгот).

дни проводилъ въ саду, на дворѣ, на улицѣ, лазилъ по крышамъ, или муштровалъ брата и сестру, обучая ихъ солдатской шагистикѣ. Я росъ, можно сказать, съ уличными мальчишками, хотя и мало стѣснялся, попадая по временамъ въ аристократическія палаты знакомаго моего отца, золотопромышленника К. Я. Дарагана, бывший домъ котораго превращенъ въ губернаторскій. Бывалъ я также въ дѣвичьемъ институтѣ, гдѣ отецъ училъ пѣнію, и институтки, случалось, нѣжно цѣловали, можетъ быть, даже «обожали» меня, 10—12-лѣтняго. (Но, все-таки, я болѣе симпатизировалъ уличнымъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, чѣмъ баричамъ и барышнямъ.) По праздникамъ и въ каникулы у насъ жила обыкновенно дальній родственникъ отца, семинаристъ Михайло, сынъ дьякона подгородной Нижнеудинской слободы. Худой, тощій отъ казенныхъ харчей, плохо учившійся, онъ зналъ и рассказывалъ множество сказокъ, превосходно дѣлалъ птичьи клѣтки и змѣйки и былъ специалистомъ по уженью рыбы, для котораго я съ братомъ и онъ часто ходили на озера по якутскому тракту, съ чаемъ и закуской, и проводили тамъ цѣлые дни, ловя карасей подъ палящими лучами лѣтняго солнца. Лѣтомъ мы всѣмъ семействомъ, иногда съ тетками и С—выми, ѣзжали на цѣлые дни въ поле, преимущественно на Косой-Бродъ на Ушаковкѣ, а также «по грибы» или «по ягоды». Нравились мнѣ также и лѣтнія пѣшеходныя пилигримства къ мощамъ въ Вознесенскій монастырь; ясное золотое утро, переѣздъ черезъ красавицу Ангару, табуны, пасшіеся на лугу, пять верстъ медленнаго шествія, а послѣ обѣдни чаепитіе подъ огромными кедрами на берегу Ангары. Мощей я ужасно боялся лѣтъ до 15. Сначала это былъ страхъ совершенно безотчетный, потомъ онъ принялъ опредѣленную форму, небезынтересную для психолога. Скажу напередъ, что въ то время никакихъ религіозныхъ сомнѣній у меня еще не возникало, никакого религіознаго вольнодумства я не слыхивалъ. Но какъ только, бывало, я войду въ церковь, гдѣ мощи, во мнѣ какой-то внутренней, совершенно непокорный моей волѣ голосъ начинаетъ шептать нѣчто святотатственное. Я трясусь отъ страха, молюсь, но голосъ твердитъ одно, особенно въ то время, когда я иду прикладываться. Прикладываюсь—и трепещу, что сейчасъ разразитъ меня. Въ то же время я нерѣдко видывалъ сны, отъ которыхъ просыпался съ холоднымъ потомъ, по поводу раки съ мощами. Помню также, что видъ мертваго тѣла всегда производилъ на меня ужасное впечатлѣніе. Когда мнѣ было еще 1½ года и меня поднесли къ трупу маленькаго брата, чтобы проститься, я плюнулъ ему въ лицо. Во всю свою жизнь я только два раза рѣшился посмотреть въ лица покойниковъ, и не забуду ихъ никогда. Это не боязнь, а ужасъ слишкомъ впечатлительнаго чувства жизни. Суевѣрной основы тутъ никакой. Что же касается скептицизма, то первою возбуждительною его во мнѣ была вынянчившая всѣхъ насъ старая нянька. Когда, бывало, я расшалюсь въ комнатахъ, она все твердитъ мнѣ: «вотъ уже тебя Богъ камешкомъ убьетъ!» Я и началъ думать, какой же это такой камень у Бога? Наконецъ рѣшилъ, что нянька такъ называетъ шаръ въ рукѣ Спасителя на иконѣ, висѣвшей у насъ въ залѣ. Какъ-то расшалившись, я вдругъ вспомнилъ нянькину угрозу и, убѣжавъ отъ образа въ другую комнату, выглянулъ потихоньку изъ-за дверей, чтобы посмотреть, не хочетъ ли бросить? Увидя, что нѣтъ, я уже нарочно пробѣжалъ мимо образа во второй и третій разъ. Объ этомъ я не сказалъ никому, да и вообще, вслѣд-

ствіе вспыльчивости отца во всѣхъ насъ развилась скрытность и, что можно было, мы дѣлали потихоньку, за что намъ иногда и доставалось. Между тѣмъ въ дѣтской душѣ возникало немало тревожныхъ вопросовъ, но скрытность не позволяла обращаться за рѣшеніемъ ихъ къ старшимъ и приходилось до всего додумываться самому. Какъ-то, конечно, изъ разговоровъ другихъ, у меня составилось понятіе, что есть дѣти законныя и незаконныя, что незаконныя несчастны, что отецъ незаконнаго—не мужъ матери, а какой-нибудь посторонній мужчина, что незаконными называются тѣ, которые рождаются внѣ брака или до истеченія 9 мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія родителей. Затѣмъ меня поразило тотъ фактъ, что мать и отецъ праздновали годовщину своей свадьбы 4-го, а мое рожденіе 5-го ноября. Слѣдовательно, я—незаконный, такъ какъ родился назавтра свадьбы. Кто же мой отецъ? Я рѣшилъ, что архіерей, такъ какъ моя сверстница, дочь дьяконницы N, считалась архіерейскою дочерью¹⁾. Эти открытія долго мучили меня, и я успокоился лишь тогда, когда узналъ, что хотя родители дѣйствительно вѣнчались 4-го, а я родился 5-го ноября, но родился черезъ 2 года послѣ вѣнчанья. Около того же времени, когда мнѣ было 10 лѣтъ, я влюбился въ молодую красивую мѣщанку Наталью Кирилловну, квартировавшую съ мужемъ у насъ во флигелѣ. Во флигелѣ была наша кухня, отдѣленная отъ квартиры П. только деревянной перегородкой, не доходившей до потолка. Я проводилъ у П. цѣлые дни или, взобравшись въ кухню на печку, черезъ перегородку съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Наталью Кирилловну по цѣлымъ часамъ. Всѣ это знали и надо мной смѣялись.

Когда мнѣ минуло 7 лѣтъ, рѣшили меня учить. Мать показала мнѣ буквы, и черезъ какой-нибудь часъ я уже зналъ всѣ ихъ; на другой день я зналъ склады, на третій уже читалъ. Мною хвастали, какъ чудомъ и купили мнѣ большую игрушечную лошадь, которой дня черезъ два я распоролъ ножомъ брюхо, желая узнать, что у нея внутри, потомъ разрубилъ ее на куски, вообразивъ себя мясникомъ, торгующимъ говядиной. Затѣмъ пошли латынь, греческій языкъ, русская грамматика и т. д. Отецъ только давалъ мнѣ книги, а учиться предоставилъ самому, даже почти вовсе не слѣдилъ за мною, и я почти не учился; русской грамматики, напр., я никогда не зналъ и усвоилъ правила ея чисто навыкомъ. Воспитывая меня дома, отецъ ежегодно долженъ былъ представлять меня въ духовное училище на экзаменъ, но этого не дѣлалъ, а смотритель училища преспокойно выдавалъ билетъ, въ которомъ значилось, что я переведенъ въ слѣдующій классъ. Отцу не хотѣлось отдавать меня въ бурсу, а на обученіе меня въ гимназіи у него не доставало средствъ. Самого меня бурса ужасала. Нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ пѣвчихъ и упомянутый Михайло рассказывали мнѣ ужасныя вещи о розгахъ, въ которыя палачъ бурсы К. вплеталъ тонкія проволоки, объ инспекторѣ M., который однажды далъ какому-то ученику 1000 розогъ и засѣкъ его до смерти и т. д. Несмотря на это я все-таки мало учился и старался меньше думать о бурсѣ, отецъ зналъ это, но не вмѣшивался. За то я читалъ все, что ни попадалось. Прежде всего я прочелъ извѣстный циническій романъ, «Жизнь кавалера Фоблаза», взятый отцомъ у кого-то изъ братіи Вознесенскаго монастыря, «Путешествія Пифагора», 2 т., «Тысячу одну Ночь», «Ро-

¹⁾ Всѣ эти подробности имѣютъ значеніе психологическое и мы не считаемъ себя вправе исправлять ихъ или искажать.

бинзонъ Крузо», котораго я прочиталъ семь разъ и зналъ почти наизусть. Между тѣмъ, наступилъ послѣдній годъ моего заочнаго ученія въ бурсѣ, черезъ годъ нужно было поступать въ семинарію, а для этого необходимо было держать экзаменъ наравнѣ съ бурсаками. Отецъ отвелъ меня въ классъ, въ который я началъ путешествовать ежедневно, по два раза въ день. Старое зданіе училища, въ которомъ прежде помѣщалась семинарія, съ громаднымъ дворомъ, съ темными и холодными корридорами, наводило тоску. Классы зимою никогда не топились, и всѣ сидѣли въ шубахъ. Въ жилыхъ комнатахъ вонь и грязь превосходили всякое представленіе. Розги при смотрителѣ Громовѣ были уже въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ прежде, но все-таки часто пускались въ ходъ руками инспекторскаго фаворита, сторожа изъ исключенныхъ бурсаковъ, К. Это былъ палачъ-артистъ, съ одного удара просѣкавшій тѣло до крови, для чего онъ влеталъ въ розги тоненькія, мягкія мѣдныя проволоки, добывавшіяся имъ изъ старыхъ помочей. К., впрочемъ, сѣкъ только въ особенно важныхъ случаяхъ, когда бывала «публика». Въ перемѣну между утренними классами, по корридорамъ раздавался продолжительный звонъ большого училищнаго колокола, и ученики всѣхъ классовъ съ криками «публика, публика» собирались въ самую большую комнату низшаго отдѣленія. Приходило начальство, и ученика, провинившагося въ чемъ нибудь особенно серьезномъ, К. сѣкъ немилосердно. Учили въ училищѣ скверно, кромѣ дурацкой долбни да переводовъ съ латинскаго и греческаго, ничего не было. Человѣкъ 10 въ нашемъ классѣ вовсе не учились, и уроковъ учителя никогда не спрашивали у нихъ. Это были такъ называемые *камчадалы*, все великовозрастные, лѣтъ по 30 даже, жирные, здоровые, настоящіе кучера.

Въ 1854 г. я первымъ въ спискѣ товарищей былъ переведенъ въ семинарію, учиться въ которой было гораздо труднѣе по одному уже тому, что большая часть учебниковъ были рукописные и уроки приходилось переписывать, чего я, впрочемъ, никогда не дѣлалъ, а передъ классами приготовлялся по чужимъ тетрадкама. Въ семинарію поступали тогда воспитанники изъ 4 училищъ, Иркутскаго, Красноярскаго, нерчинскаго и якутскаго, и всѣхъ насъ въ словесности было человѣкъ 60. Сѣченья въ семинаріи вовсе не было, но ректоръ Нифонтъ и нѣкоторые учителя нерѣдко били семинаристовъ, какъ солдатъ. Математику преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей, Иванъ Петровичъ Токаревъ, человѣкъ очень порядочный, но вспыльчивый до бѣшенства. Предметъ свой онъ хорошо зналъ, но преподавать положительно не умѣлъ, мы ничего не понимали и долбили алгебру съ геометрией наизусть. Непониманіе ученика выводило Токарева изъ себя, онъ бѣгалъ по классу, какъ бѣшеный, ругался площадными словами и, наконецъ, бросался бить ученика. Въ теченіе класса онъ переспрашивалъ и избивалъ человѣкъ 10, и только двое, я да Касьяновъ, не пробовали его кулаковъ, потому что долбили хорошо, и онъ считалъ насъ знающими. Однажды Токаревъ, спрашивая Горбунова, здороваго малаго лѣтъ 20, закатилъ ему плюху, а Горбуновъ, бросивъ ему мѣломъ въ лицо и плюнувъ, выбѣжалъ изъ класса. Бѣшенство Токарева дошло до того, что онъ не могъ болѣе говорить, только дрожалъ и тотчасъ же ушелъ, но съ этихъ поръ сдѣлался тише воды, ниже травы и уже никогда ни дрался, ни ругался. Инспекторомъ при моемъ поступленіи былъ Петръ, маленькій человѣкъ и невыносимѣйшій педантъ, который за малѣйшій проступокъ ученика изрекалъ свой стереотипный приговоръ: «безъ обѣда,

безъ ужина, въ столовой на колѣняхъ, съ лишеніемъ пищи». Строжайшимъ образомъ преслѣдовалъ онъ табакокуреніе, винопитіе, короткіе сюртуки и чтеніе свѣтскихъ книгъ, которыя онъ отбиралъ и потомъ у себя жегъ въ печкѣ. Я кому-то изъ товарищей далъ читать «Письма русскаго путешественника» Карамзина; Петръ отобралъ ихъ, потребовалъ утромъ меня и далъ мнѣ жестокой нагоняй: «что читаешь! что ты, путешественникомъ что-ли готовишься быть, безтолковый? Читалъ бы «Христіанское Чтеніе», — тамъ языкъ-то языкомъ, а мысли-то мыслями». Книга полетѣла въ топившуюся уже печку, а на меня Петръ крикнулъ: «пошелъ вонъ, безтолковый». Слово «безтолковый» инспекторъ употреблялъ такъ часто, что семинаристы за глаза его называли не иначе, какъ тоже «безтолковый». Петръ преподавалъ священное писаніе во всѣхъ классахъ и никогда не измѣнялъ однажды заведенному и какому-то непонятному, совершенно безтолковому приему спрашивать учениковъ не на выборъ, а по порядку списка: начнетъ съ перваго, потомъ говорить: «слѣдующій» и когда отвѣтитъ этотъ, опять переходитъ къ слѣдующему и т. д. до конца списка, а потомъ опять начинаетъ съ перваго, такъ что каждый зналъ, когда онъ будетъ спрошенъ и готовился только къ этому дню. Лучшими учителями были преподаватель исторіи М. В. Загоскинъ и словесности Домскій. Они кое-что почитывали намъ въ классѣ и подъ секретомъ отъ начальства давали читать свѣтскія книги, историческія, русскіхъ авторовъ и т. д., но давали не всѣмъ, а только одному—двумъ лучшимъ ученикамъ, которые и развивались, между тѣмъ какъ остальные только долбили, зубрили, да сочиняли хриі, а въ концѣ втораго года даже стихи. Я началъ тогда тоже писать стихи и вообразилъ себя поэтомъ. Я читалъ очень много, фантазія работала живо, рифмы подбирались, а тутъ же попались статьи Дизраели въ «Современникѣ» «Литературный характеръ или исторія ленія». Читая ихъ, я находилъ въ себѣ всѣ указываемые авторомъ признаки литературнаго характера и сильно оскорблялся, когда отецъ иногда подсмѣивался надъ моими поэтическими пареніями. Я уходилъ въ себя, особенно когда мнѣ пошелъ 17-й годъ. Была весна. Я читалъ какой-то литературный сборникъ, гдѣ было приведено мѣсто, кажется, изъ Шиллера, о томъ какъ въ юношѣ пробуждается чувство любви. Меня охватило какое-то непонятное волненіе, я почувствовалъ себя тоже юношей и немедленно представилъ себѣ миловидный образъ 15-лѣтней брюнеточки, жившей съ своимъ семействомъ на одномъ дворѣ съ нами, только въ другомъ домѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса я былъ уже влюбленъ и думалъ только о ней. Мы часто встрѣчались. Я въ теплыя ночи спалъ на сѣновалѣ и проводилъ тамъ за чтеніемъ всѣ свободные дни, и она нерѣдко приходила туда поболтать со мною. Недѣли двѣ я все собирался, но не рѣшился ни сказать, ни написать ей, что люблю, а между тѣмъ воображеніе распаялось, я, что называется, сходилъ съ ума. Наконецъ, я рѣшился открыться ей во что бы то ни стало. Однажды ни моихъ, ни ея родныхъ, не было дома. Я читалъ. Пришла она въ бѣломъ капотикѣ, отъ лѣтней жары. Несмотря на свою прежнюю рѣшимость, заговорить о своей любви я не могъ и заплакалъ. Она начала утѣшать меня и положила мнѣ руки на плечи. Губы наши встрѣтились, сердца застучали, въ глазахъ потемнѣло. Съ этого дня мы часто видѣлись съ нею, но черезъ два мѣсяца она уѣхала изъ Иркутска куда-то къ роднымъ, и я больше никогда не видѣлъ ее. Я сильно тосковалъ по ней и писалъ отчаянные стихи.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Безпорядки въ Монсо-ле Минъ остались не безъ послѣдствій. Французское правительство обратило на нихъ вниманіе въ связи съ безпорядками въ другихъ городахъ. Произведено было много арестовъ, а разслѣдованіе показало, что эти безпорядки вызваны вполне организованнымъ обществомъ революціонеровъ, имѣющимъ обширныя развѣтвленія и главные вожаки котораго проживаютъ за границею, преимущественно въ Швейцаріи. Безпорядки въ Сентъ-Этьенъ, взрывы динамитныхъ бомбъ въ Лионъ и Монпелье, зажигательныя прокламаціи въ Амьенъ, и наконецъ аресты доказали французскому обществу, что революціонная партія гораздо сильнѣе нежели о ней предполагало правительство Жюль Гриви. По словамъ «République Française», глава движенія, проживающій въ Женевѣ русскій эмигрантъ князь Крапоткинъ. Стачки рабочихъ вызываютъ закрытіе фабрикъ. Если одни мебельные фабриканты въ Парижѣ закроютъ свои заведенія, какъ предполагаютъ, то безъ заработка останется 45,000 рабочихъ. Пользуясь тѣмъ, что во многихъ уголкахъ Франціи раздается слово динамитъ! сторонники графа Шамбора открыто заявляютъ, что время выжиданій миновало и наступила пора дѣйствовать. По слухамъ, Шамборъ, какъ претендентъ на французскій престолъ, станетъ во главѣ движенія, а Шареть, потомокъ знаменитаго предводителя вандейцевъ, въ эпоху первой французской революціи, поведетъ войско. Пока такимъ образомъ слагаются обстоятельства, среди имущественныхъ классовъ, принадлежащихъ къ умѣреннымъ отбѣнкамъ политическихъ партій, замѣтно движеніе въ пользу Гамбетты.

— Подробности покушенія на жизнь короля Милана таковы: при выходѣ короля съ супругою и свитою изъ церкви, на паперти изъ толпы выдвинулась вдова полковника Елена Марковичъ и на разстояніи двухъ шаговъ выстрѣлила въ короля Милана изъ револьвера. Въ первый разъ револьверъ далъ осѣчку, второй выстрѣлъ не попалъ только потому, что король успѣлъ отклонить голову. Адъютантъ короля Фроновичъ въ ту же минуту схватилъ Марковичъ. На другой день послѣ покушенія было торжественное молебствіе и приѣмъ дипломатическаго корпуса и депутаціи гражданъ. Слѣдствіе производится; хотя Елена Марковичъ и выразила слѣдователю, что она дѣйствовала по личному побужденію, но обыскъ въ ея квартирѣ доказалъ нѣчто другое. Такъ, были найдены рукописи, въ которыхъ говорится, что она должна убить того, кто подписалъ смертный приговоръ ея мужу, «герою Ефрему». Въ другой запискѣ, писанной ея рукою, сказано: «Я хочу умереть на эшафотѣ и позабочусь о томъ, чтобы выстрѣлъ не миновалъ цѣли». Сдѣлано нѣсколько арестовъ и покушенію даютъ политическую окраску. По мнѣнію однихъ, это дѣло Карагеоргиевичей, потомковъ короля Георгія Чернаго, освободителя Сербіи отъ турокъ, претендующихъ на сербскій престолъ; по мнѣнію другихъ, Елена Марковичъ дѣйствовала подъ влияніемъ народной оппозиціонной партіи, возмущенной тѣснымъ сближеніемъ короля съ Австріею.

— Выборы въ прусскій сеймъ даютъ преобладаніе консервативной и клерикальной партіямъ. Ожиданіе либераловъ обмануто.

— 12 октября возобновились сессіи англійскаго парламента, безъ всякой церемоніальности. До сихъ поръ въ Англии всякій вопросъ считается обсужденнымъ только тогда, когда всѣ ораторы высказали о немъ свое мнѣніе. Нынѣ Гладстонъ предложилъ парламентскую реформу, именно, чтобы вопросъ считался рѣшеннымъ, если послѣдуетъ на то согласіе большинства. Меньшинство въ проектѣ Гладстона видитъ простое стремленіе меньше говорить и больше дѣлать. Большинство же несочувствуетъ проекту. Гладстону приписываютъ стремленіе къ ограниченію и стѣсненію свободы парламентскихъ преній. Однако же за проектомъ Гладстона признано

большинствомъ голосовъ первенство передъ всѣми другими биллями.

По вопросамъ внѣшней политики Гладстонъ является торжествующимъ. Финансы Египта, вооруженныя силы хедива, египетское правосудіе, все предположено подчинить влиянію Англии, хотя лордъ Эллиотъ и заявилъ, что окончательное разрѣшеніе египетскаго вопроса предоставится международной конференціи. Парнелль заявилъ, что внесетъ въ палату предложеніе, относящееся до ирландскаго земельного и припудительнаго законовъ. Въ Лондонѣ появился переводъ нѣкоторыхъ изъ бумагъ Араби-паши. Въ числѣ ихъ находится письмо султана, гдѣ Араби-паша приглашается къ сопротивленію Франціи и Англии. Въ Лондонѣ получено извѣстіе, что профессоръ Пальмеръ и лейтенанты Джилль и Чэрингтонъ, посланные англичанами въ Аравію для закупки верблюдовъ, убиты неизвѣстными людьми. Посланному развѣдочному отряду удалось узнать, что убійство совершено на краю пропасти, по приказанію губернатора Нахе, причемъ жертвамъ было предложено на выборъ: или спрыгнуть въ пропасть, или быть застрѣленными. Пальмеръ рѣшился спрыгнуть, а сотоварищи его были застрѣлены.

— Одинъ изъ защитниковъ Араби-паши нашелъ въ бумагахъ подеудимаго письма, компрометирующія Абдуль-Гамида и нѣкоторыхъ турецкихъ савовниковъ. На основаніи этого, защитники намѣрены вызвать въ качествѣ свидѣтелей Дервиша и Ахмеда-Эссада пашей, султанскаго флигель-адъютанта и нѣсколькихъ улемовъ. Главнымъ свидѣтелемъ въ пользу Араби-паши явится, какъ слышно, Лессенсъ. О лжепророкѣ Махди слышно, что онъ подвигается къ главному городу Нубіи Хартуму. Абдель-Кадеръ-паша, начальникъ египетскихъ войскъ въ Хартумѣ, въ отчаяніи, что онъ не получаетъ ни подкрѣпленія, ни боевыхъ запасовъ. Населеніе Нубіи расположено въ пользу Махди. Въ Каирѣ предполагаютъ, что если Хартумъ падетъ, то возстаніе охватитъ всю область Верхняго Нила.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

«Голосу» передаютъ, что возбужденный еще въ 1876 году генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, генераломъ Синельниковымъ, вопросъ о трудности привлеченія на службу въ Восточную Сибирь врачей, особенно въ болѣе отдаленныя мѣстности, и о необходимости, вслѣдствіе этого, увеличить содержаніе городскимъ и окружнымъ врачамъ, предоставить имъ большія служебныя преимущества, разрѣшенъ уже окончательно. Новый штатъ медицинскаго персонала въ Восточной Сибири разработанъ и, говорятъ, внесенъ уже на утвержденіе. По нынѣ дѣйствующему штату расходовалось на содержаніе штатныхъ врачей 44.915 руб. въ годъ; по вновь же проектированному предполагается расходовать 84.350 рублей.

— Скопинскій банкъ рязанскимъ окружнымъ судомъ признанъ несостоятельнымъ.

— По слухамъ, вопросъ о торговлѣ съ Средней Азіей и о наложеніи таможенныхъ пошлинъ на товаръ, идущій черезъ Кавказъ изъ-за границы, будетъ разрабатываться министерствомъ финансовъ съ участіемъ «свѣдущихъ людей».

— Разрѣшено устройство технологическаго института въ Харьковѣ.

— Въ числѣ реформъ мѣстнаго управленія предполагается, какъ передаетъ «Новое Время», пониженіе имущественнаго ценза для служащихъ по земскимъ учрежденіямъ.

— Морское министерство, по предварительному соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, предполагаетъ, по словамъ той же газеты, приобрести особое судно, специально для снабженія по мѣрѣ надобности боевыми припасами и корабельными матеріалами Владивостокскаго порта.

— «Петербургскому Листку» сообщаютъ, что, на-дняхъ, въ правительственныхъ сферахъ окончательно рѣшенъ вопросъ о разрѣшеніи евреямъ-колонистамъ Херсонской и Екатеринославской губерній арендовать свободныя земли, но съ тѣмъ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы колонисты лично занимались хлѣбопашествомъ.

— По словамъ «Медицинскаго Вѣстника», общество естествоиспытателей устраиваетъ рядъ чтеній въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ.

— Надвяхъ, военный министръ разрѣшилъ принять на женскіе медицинскіе курсы до десяти вольнослушательницъ. Немедленно было подано 140 прошеній, изъ которыхъ 70 свидѣтельствовали о совершенно равныхъ правахъ, вполне удовлетворяющихъ самымъ строгимъ требованіямъ, почему конференція изъ профессоровъ затруднилась выборомъ и предоставила себѣ право просить г. военного министра о принятіи наравнѣ всѣхъ означенныхъ просительницъ.

— «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ ожидаются крупныя пожертвованія единовременныя и ежегодныя.

— Генералъ-адъютанту, графу М. Т. Лорисъ-Меликову, разрѣшено принять званіе почетнаго гражданина г. Тифлиса.

— 17-го октября, вышелъ 1-й № новой «Судебной Газеты», издаваемой и редактируемой г. Нисселовичемъ; изданіе это посвящено специально юридическимъ вопросамъ, выходитъ еженедѣльно и стоитъ 6 р. въ годъ.

— 15-го октября состоялось годичное засѣданіе московскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Засѣданіе было весьма многолюдно, собралась, по словамъ «Русскаго Курьера», масса интеллигенціи, множество профессоровъ, попечитель московскаго учебнаго округа, митрополитъ, генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ и многіе другіе. Сперва были прочитаны отчеты секретарей общества, отдѣленій и отдѣловъ. Чтобы охарактеризовать количество работы членовъ общества, А. А. Тихоміровъ указалъ, что въ настоящее время рефераты общества составляютъ уже 42 довольно значительныхъ тома. В. П. Михайловскій, секретарь этнографическаго отдѣленія, указалъ на однообразіе рефератовъ отчетнаго года, причемъ остановился на главныхъ изъ нихъ: Д. И. Шловайскаго, проф. Самоквасова, Н. М. Ядринцева, своихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Секретарь антропологическаго отдѣла сообщилъ, между прочимъ, что уже получилъ откликъ съ разныхъ концовъ Россіи гг. врачей, на приглашеніе ихъ производить антропологическія измѣренія при осмотрѣ рекрутъ. Высокопреосвященному Іоанникію было предложено званіе почетнаго члена общества, затѣмъ прочтенъ списокъ дипломовъ, назначенныхъ обществомъ за заслуги разнымъ своимъ членамъ и, наконецъ, Н. Н. Миклухъ-Маклаю было произнесено привѣтствіе, по поводу его возвращенія въ Россію, уваженіе къ его дѣятельности и была поднесена золотая медаль. Предсѣдатель г. Щуровскій охарактеризовалъ ученныя заслуги этого русскаго путешественника, указавъ на трудности, испытанныя имъ и закончилъ словами: «Милостивые государи! по чувству патриотизма скажемъ ему наше большее русское спасибо!» Отвѣтомъ послужили взрывы рукоплесканій, послѣ чего Н. Н. Миклуха-Маклай, выразивъ свою благодарность, приступилъ къ сообщенію объ анатомическихъ и этнографическихъ особенностяхъ пауасовъ.

— На-двяхъ въ Брюсселѣ, по словамъ «Страны», открыта выставка картинъ Верещагина.

— Съ 1-го января 1883 года въ Казани будетъ выходить новая еженедѣльная газета «Волжскій Вѣстникъ», подъ редакціей профессора Загоскина, гдѣ примутъ участіе многіе лучшие профессора, а также и многія лица изъ поволжской интеллигенціи, выступавшей въ одномъ изъ наилучшихъ провинціальныхъ изданій «Камско-Волжской газетѣ», издававшейся въ 1872—74 годахъ. Отъ души желаемъ успѣха этому начинающемуся органу.

Х «НЕСГОРАЕМАЯ ИЗБА» Г. СОНЦЕВА.

Несгораемость построекъ—это такой вопросъ, который не можетъ не интересоваться всякаго русскаго обывателя: города и села такъ страшно выгораютъ у насъ на югѣ и сѣверѣ, на востокѣ и западѣ, убытки отъ этихъ нескончаемыхъ пожаровъ такъ громадны, что на-

дежда на осуществленіе несгораемости зданій не можетъ не оставаться самое серьезное вниманіе всякаго изъ насъ. Естественно поэтому, что счастливая мысль г. Сонцева успѣла уже обратить на себя вниманіе общества, и что земства одно за другимъ приглашаютъ его сообщить имъ непосредственно о его изобрѣтеніи. На-двяхъ г. Сонцевъ былъ и въ Полтавѣ, гдѣ по приглашенію земской управы сообщилъ собравшимся членамъ экстреннаго земскаго собранія о своей несгораемой избѣ и показалъ небольшую модель ея, сдѣланную изъ того же матеріала, изъ котораго предполагается соорудить и самую избу. Такимъ образомъ и гласнымъ, и публикѣ представилась возможность ознакомиться съ этимъ изобрѣтеніемъ изъ перваго источника.

Изба г. Сонцева относится къ ряду построекъ глинобитныхъ, т.-е. такихъ, матеріалъ которыхъ состоитъ исключительно изъ глины, утрамбовываемой и уколачиваемой до послѣдняго предѣла плотности. Постройки изъ такой глины—какъ поясвилъ г. Сонцевъ, сооружались уже давно по ранѣе изобрѣтенія г. Сонцева онѣ состояли не изъ одной только глины, а вмѣстѣ съ нею и изъ дерева, изъ котораго дѣлались балки и стропила; по этой причинѣ постройки эти къ числу несгораемыхъ отнесены быть не могутъ; они успѣли однакоже доказать неопровержимо большую прочность уплотненной глины, какъ строительнаго матеріала, и потому все-же-таки имѣютъ громадное значеніе и для настоящаго случая. Задавшись рѣшеніемъ вопроса о несгораемости, г. Сонцевъ долженъ былъ устранить всякую примѣсь дерева и найти способъ исключительнаго примѣненія глины. Способъ этотъ—по его идеѣ—заключается въ замѣнѣ крыши глинянымъ же сводомъ, перекидываемымъ съ одной продольной стѣны на другую. Поперечныя стѣны пристроиваются по окончаніи свода, и получается зданіе, въ которомъ, кромѣ дверей и оконныхъ рамъ, нѣтъ никакихъ деревянныхъ частей.

Приемы постройки такого несгораемаго зданія заключаются главнымъ образомъ въ равномерномъ уколачиваніи глиняной массы. Вспомогательными средствами служатъ для этого устанавливаемые съ двухъ сторонъ возводимой стѣны досчатые щиты, а для свода—обыкновенныя кружала. Окончательная отдѣлка состоитъ въ подведеніи карнизовъ и конька крыши и, затѣмъ, въ обжиганіи избы изнутри. Обжиганіе, по свидѣтельству г. С., даетъ для внутренней поверхности стѣнъ нѣчто въ родѣ штукатурки, имѣющей консистенцію кирпича, и заканчиваетъ просушку всей постройки. Надо имѣть въ виду, что глина для такого рода построекъ берется чистая, не содержащая ни песку, ни чернозему, и что крыша смазывается дегтемъ и затѣмъ посыпается пескомъ, что, по словамъ г. С., предохраняетъ ее вполне отъ размачиванья и всякой порчи, обусловливаемой дождемъ, снѣгомъ и сыростью. Остается затѣмъ упомянуть, что кругомъ всей избы дѣлается довольно широкая завалинка, которая не дозволяетъ водѣ, могущей накопиться вокругъ избы въ сырое время года, подмывать основаніе стѣнъ. Вотъ въ общемъ чертежъ и все описаніе сооруженія несгораемой избы.

Несгораемость ея, какъ то и очевидно, полная. Выгоды глинобитной избы не ограничиваются, однакоже, одною только несгораемостью. Кромѣ ея, какъ указываетъ г. С., получаютъ еще сами собой и другія важныя удобства: всего прежде бросается въ глаза то, что кубическая вмѣстимость внутренняго пространства такой избы, вслѣдствіе сводчатости постройки, превосходитъ кубическую вмѣстимость обыкновенной избы, имѣющей одинаковое линейное протяженіе и одинаковую высоту стѣнъ; затѣмъ, нельзя не замѣтить, что исправленіе всѣхъ возможныхъ въ такой избѣ поврежденій можетъ быть произведено чрезвычайно легко; далѣе, сырость устраняется окончательно и, наконецъ, провѣтриваніе очень легко устраивается посредствомъ нарочно продѣлываемаго для того отверстія въ сводѣ. Что касается цѣнности такой избы, то она зависитъ, конечно, какъ отъ стоимости рабочихъ рукъ данной мѣстности, такъ и отъ близости глины и воды отъ мѣста постройки и—кромѣ того еще—отъ количества такихъ построекъ, такъ какъ одни и тѣ же досчатые щиты и кружала могутъ служить для неопредѣленнаго количества зданій, возводимыхъ разновременно. Это обстоятельство имѣетъ особенную важность для безлѣсной полосы, гдѣ щиты и кружала могутъ быть приобрѣтаемы на общественный счетъ и гдѣ, такимъ образомъ, эта самая дорогая издержка можетъ быть разложена на отдѣльныя избы и представлять для каждой изъ нихъ совершенно ничтожную затрату.

Къ этимъ выгодамъ г. Сонцевъ могъ бы прибавить еще и чрезвычайно легкое дезинфицированіе глиняныхъ избъ посредствомъ повторительнаго ихъ выжиганія и — съ большимъ вѣроятіемъ — благотворное вліяніе способа ихъ сооруженія на общественныя условія жизни селъ, такъ какъ цѣнность избъ находится въ прямой зависимости отъ степени развитія общественной солидарности.

Что касается вентиляціи, то едва ли правъ г. С., предлагая устройство отверстія для нея въ сводѣ. Сквозъ такое отверстіе легко можетъ попадать въ избу вода отъ дождя и тающего снѣга. Гораздо практичѣе—какъ я думаю—устроить вентиляціонное отверстіе въ одной изъ стѣнъ, какъ то дѣлается очень часто въ Сибири. Очень вѣроятно, что гигиеническія условія избы г. С. должны быть поставлены выше гигиеническихъ условій избы обыкновеннаго типа, но для окончательнаго установленія ея полного превосходства необходимо еще испытать, въ какой мѣрѣ участвуетъ въ ея вентилированіи воздухопроводимость самихъ стѣнъ ея. Этотъ путь оздоровленія воздуха въ жильѣ, какъ доказалъ Петенкоферъ, есть самый дѣйствительный, и нельзя не пожалѣть, что г. С. вовсе не коснулся этого вопроса.

Остается затѣмъ вопросъ о способахъ, какими можетъ быть осуществлена замѣна теперешнихъ избъ глинобитными. Г. Сонцевъ полагаетъ, что приверженность къ привычному у крестьянъ можетъ быть преодоленна лишь только путемъ насильственныхъ мѣропріятій. Онъ думаетъ, что земства должны исходатайствовать у правительства законодательную мѣру и, опираясь на нее, приступить къ постепенной ломкѣ въ селахъ старыхъ избъ и возведенію новыхъ. Г. Сонцевъ, какъ видно изъ этого, немного фанатикъ своей идеи; но фанатизмъ этотъ едва ли цѣлесообразенъ. Не говоря о томъ, что побѣду можетъ одержать одна лишь очевидность; не останавливаясь на томъ, что есть множество самыхъ разнообразныхъ приемовъ пріохочиванья, я думаю, что даже и послѣ полной неудачи очевидности и полного фіаско всевозможнаго пріохочиванья, насиліе все же цѣли не достигнетъ и сдѣлаетъ только глиняную избу навѣки ненавистною для крестьянина.

Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ г. С. о значеніи первыхъ по времени избъ его по отношенію къ пожарамъ. Онъ думаетъ, что если десятая или двадцатая изба въ селѣ будетъ глинобитная, то этого уже достаточно для спасенія села отъ конечнаго истребленія огнемъ, такъ какъ пожаръ будто бы далѣе этихъ избъ распространиться не можетъ. Известно однакоже, что во время пожаровъ огонь перебрасывается не только черезъ одно строеніе, но черезъ цѣлый рядъ ихъ, а иногда, какъ на примѣръ, въ Красноярскѣ въ прошломъ году, черезъ нѣсколько кварталовъ. Нельзя ожидать, слѣдовательно, чтобы одна, двѣ глиняныя избы могли останавливать пожаръ, и надо полагать, что только послѣ значительнаго ихъ распространенія, значеніе ихъ станетъ не только частнымъ, но и общественнымъ.

Окончательное сужденіе объ избѣ г. С. было бы теперь, конечно, преждевременнымъ: для того, чтобы произнести его, надо увидѣть не модель избы, а самую избу, да и то послѣ разнообразныхъ превратностей. Теперь же можно сказать только, что осуществленіе возлагаемыхъ на нее ожиданій имѣетъ большую вѣроятность и что на усиленность ея распространенія, если не помѣшаетъ безтактность мѣропріятій, тоже можно рассчитывать. Пока отрадно уже и то, что мы имѣемъ передъ собой изобрѣтеніе, рассчитанное на пользу трудящагося большинства, а потому и не можемъ не произносить съ уваженіемъ и благодарностью имя г. Сонцева, какъ одного изъ такихъ изобрѣтателей, число какихъ очень и очень незначительно.

В. Л.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 19 октябрю. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. $24\frac{3}{32}$ пенс. за рубль, на Парижъ $253\frac{1}{2}$ сант., на Гамбургъ $205\frac{1}{4}$ пфен. Полуимперіалы 8 р. 19 к., рубли серебр. 1 р. 40 к.; 5% бил. Госуд. Банка 1 вып. $94\frac{5}{8}$, 2 вып. $90\frac{1}{2}$, 3 вып. $90\frac{3}{4}$, 4 вып. $90\frac{1}{4}$, 5 вып. 90. Восточный заемъ $88\frac{1}{2}$, 5% Первый выигр. заемъ 210, Второй выигр. заемъ $203\frac{1}{2}$. Облиг. Сиб. гор. кред. общ. $84\frac{1}{2}$, 5% закл. лист. общ. взаим. позем. кред. (металл.) $129\frac{7}{8}$, $5\frac{1}{2}$ % рента $97\frac{3}{4}$, 6% закл. лист. Тульск. зем. банка 94 Моск. зем. банка $98\frac{1}{2}$, Сар.-Симб. зем. банка $78\frac{1}{2}$, Тифлисск. зем. банка $86\frac{1}{2}$. Акц. Сиб. торг. банка 338, акц. парох. общ. «Кавк. и Мерк.» 462, акц. парох. общ. «Самолетъ» 188, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 249, акц. Рыб.-Бол. ж. д. 61. Настроеніе биржи съ курсомъ и бумагами вялое, въ Берлинѣ русскіе кредит. билеты по 202 марк. 60 пфен. за 100 руб.

Опечатки.

Въ № 29, въ отдѣлѣ бібліографіи при характеристикѣ сибирскихъ городовъ, при наборѣ переименованы нѣкоторыя фразы, которыя искажаютъ смыслъ. Такъ фраза со словъ «здѣсь какъ и въ Москвѣ» (стр. 51 св.) до слова «душеспасительно» относится къ характеристикѣ Томска, а слова «давно объявленной столицей Сибири» (стр. 33) до выраженія «ретирадныхъ мѣстъ» къ Иркутску.

Въ статьѣ «Тысяча одна ночь изъ туркестанской жизни» на стр. 13 въ томъ же № фамилію Гугосъ слѣдуетъ читать Гуюсь.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ.

къ юбилею трехсотлѣтія.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 3 р.

Въ книжномъ складѣ Стасюлевича, Вас. стр. 2 лин., д. 7; также въ конторѣ Редакціи «Восточное Обозрѣніе».

ОЧЕРКИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛІИ

путешествіе 1876—1877 гг.

Г. Н. ПОТАНИНА.

С.-Петербургъ, 1881 г.

Цѣна 3 р.

Въ СѢверномъ Книжномъ Агентствѣ

С.-Петербургъ, Пушкинская ул., № 10, кв. 129.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БРОШЮРА

300 ЛѢТЪ ПОКОРЕННОЙ СИБИРИ.

Цѣна 25 к., съ пересыл. 30 к. Книгопродавцамъ уступка.

АКУШЕРКА (СИБИРЯЧКА),

окончившая курсъ при калининской больницѣ, желаетъ получить мѣсто въ Сибири. Адресъ: Редакція «Восточнаго Обозрѣнія», акушеркѣ Е. Л.